

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Переводы и передѣлки стихотвореній Гёте въ русской литературѣ.

Студента С. А. Федоровскаго.

О переводахъ стихотвореній Гёте на русскій языкъ.

Единственный источникъ, изъ котораго можно заимствовать свѣдѣнія о переводахъ сочиненій Гёте въ русской литературѣ, это „Указатель“, составленный Н. Гербелемъ и приложенный къ первому и девятому тому его изданія. Къ сожалѣнью, онъ не полонъ и неточенъ; приходится обращаться къ другимъ указателямъ болѣе общаго характера (просмотрѣть которые доставилъ мнѣ возможность главный библіотекарь Императорскаго Московскаго университета Д. Д. Языковъ).

На русскій языкъ переведены всѣ большія сочиненія Гёте (драматическія, прозаическія), а изъ мелкихъ такія, которыя почему либо привлекали вниманіе того или другого поэта или переводчика; но многія его стихотворенія, не представляя изъ себя перловъ поэзіи, интересны не только какъ созданія великаго творческаго генія, но и представляютъ много любопытнаго, какъ отрывки его автобіографіи. Онъ самъ говоритъ въ „Правдѣ и поэзіи“:

„Во мнѣ вкоренилась привычка, отъ которой я не могъ въ послѣдствіи избавиться въ теченіе цѣлой своей жизни, а именно немедленно воплощать въ стихотворныхъ образахъ рѣшительно все, что только меня радовало, огорчало или мучило, и освобождался такимъ путемъ отъ этихъ предметовъ, давалъ имъ внѣшнее существованіе взамѣнъ тяготившаго меня внутренняго“. Большое количество пьесъ такого рода, въ которыхъ Гёте наиболѣе ярко запечатлѣвалъ какой-нибудь фактъ своей жизни, не переведено.

Для возможно полнаго знакомства съ переводами Гёте необходимы слѣдующія справочныя пособія: указатель Сопикова, Смирдина и сочиненіе Неустроева: „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ

изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.г.“ Кромѣ указанныхъ здѣсь стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей, намъ еще удалось найти слѣдующія: „Freisinn“ пер. *** (Московский Вѣстникъ 1828 г. 10 к.).

„Водяные соловьи“, пер. Дмитріева (Памятникъ отечественныхъ музъ 1827 г.).

„Цѣпочка“ пер. Державина (въ „Собраніи сочиненій“).

„Тишина моря“ Поилова (Вѣстникъ ин. литер. 1895, іюнь).

„Къ далекой“ (см. „Къ отсутствующей“) Поилова (тамъ же).

„Могила Анакреона“ Дмитріева (Вѣстникъ Европы 1824 г. II т. № 7).

„Стихотворенія, посвященныя Фредерикъ Бріонъ“ пер. Бальмонта.

(„Помощь голодающимъ“, сборникъ М. 1892 г.)

Первое сочиненіе Гёте, переведенное на русскій языкъ, было „Клавиго“ въ 5 д. г. Гёте, переводъ съ нѣмецкаго прозою; онъ былъ изданъ въ 1780 г. въ Петербургѣ. Въ „Указатель“ Смирдина прямо говорится о второмъ изданіи; когда появилось первое—неизвѣстно. Въ слѣдующемъ 1781 году, былъ переведенъ „Вертеръ“ подъ заглавіемъ: „Страсти молодого Вертера“. Соч. г. Гетте, переводъ съ нѣмецкаго Галченкова, Спб. 2 части. Въ 1798 г. вышелъ исправленный переводъ Ив. Виноградова. Вотъ первые переводы крупныхъ произведеній поэта. (О другихъ переводахъ см. „Указатель“ Гербеля, приложенный къ его изданію произведеній Гёте).

Первое стихотвореніе Гёте было переведено въ 1795 г. подъ заглавіемъ: „На случай грома“, подражаніе Гёте; оно напечатано въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ (ч. 8-я, 209 с.) Въ 1800 г. въ „Иппокренѣ“ (ч. 6-я, 513 с.) помѣщенъ переводъ К. О. С. (Сибирскаго): „Идиллія: художникъ и крестьянка“; въ 1802 г. въ „Свѣткѣ Музъ“—переводы И. Борна: Прощаніе (41 с.), прекрасная ночь (91 с.), Здравствуй и прощай (102 с.). Затѣмъ Гёте переводилъ Жуковский и въ послѣдствіи стихотворенія великаго поэта занимаютъ почетное мѣсто на страницахъ журналовъ, альманаховъ и сборниковъ 20, 30 и 40-хъ годовъ.

Первый, кто систематически знакомилъ общество съ лирическими пьесами Гёте, былъ Струговщиковъ. Каковъ былъ его взглядъ на переводы видно изъ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ имъ въ предисловіи къ изданію „Стихотвореній, переведенныхъ изъ Гёте и Шиллера“ (1845 г.): „Стараясь оставаться вѣрнымъ подлиннику въ поэзіи повѣствовательной и драматической, недопускающей произвола и исключаящей, такъ сказать, въ переводчикѣ всякое творчество, я не могъ и не хотѣлъ покоряться тому же условію, когда вступалъ въ очаровательную область лиризма. Убѣжденіе, что для произведеній лирической

поэзіи переводовъ не существуетъ, примирило меня съ чувствомъ отвѣтственности предъ лицомъ геніевъ, избранныхъ мною въ руководители. Здѣсь, забывая и отбрасывая иногда подробности, я былъ напутствуемъ одними главнѣйшими впечатлѣніями подлинника "... Въ этомъ онъ согласенъ съ Жуковскимъ, который говоритъ: „Переводчикъ въ прозѣ есть рабъ, переводчикъ въ стихахъ—соперникъ“ (см. 2-ю гл.).

Но Жуковский и А. Струговщиковъ съ ихъ мнѣніемъ о переводахъ не составляютъ обычнаго явленія. Въ началѣ XIX-го столѣтія замѣчается стремленіе переводить поэтическія произведенія не только совершенно буквально, но даже жертвовать для этого ихъ формой (напр. пер. Сибирскаго: „Художникъ и крестьянка“, „Прощаніе“ Борна и др.). Во всякомъ случаѣ взгляды переводчиковъ относительно этого пункта расходились. Только Бѣлинскій въ цѣломъ рядѣ рецензій на переводы высказалъ мнѣніе, которое господствуетъ и донинѣ. Въ своихъ тамъ и сямъ разбросанныхъ замѣчаніяхъ по поводу стихотвореній Струговщикова онъ говоритъ такимъ образомъ: „Какая же цѣль перевода?—дать возможно близкое понятіе объ иностранномъ произведеніи такъ, какъ оно есть. Въ такомъ случаѣ, если вы своими придѣлками или перидѣлками сдѣлали его даже и лучше, нежели какъ оно написано авторомъ,—переводъ невѣренъ, слѣдовательно, нехорошъ....“ и т. д. Мы привели эти слова потому, что они высказаны самымъ вліятельнымъ лицомъ въ литературѣ того времени.

Въ другомъ мѣстѣ онъ еще рѣзче высказываетъ свой взглядъ на переводы: „Даже еслибы Пушкинъ, говоритъ онъ, взялся переводить Гёте, мы и отъ него потребовали бы, чтобы онъ показалъ намъ Гёте, а не себя“.

Въ настоящее время можно съ опредѣленной точки зрѣнія разбирать переводы, судить о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Легкій намекъ, игра понятій, метафора (вообще фигуры) составляютъ неотъемлемую принадлежность поэтическаго произведенія; въ передачѣ его на чужой языкъ нельзя упускать этого изъ виду и приводить одно только содержаніе и одни мысли оригинала; кромѣ того нельзя одни образы замѣнять другими, хотя бы они были роскошнѣе ихъ и выразительнѣй. Особенно часто отступленія такого рода встрѣчаются у первостепенныхъ поэтовъ: Майкова, Жуковскаго, Лермонтова и др. Явленіе это возможно объяснить слѣдующимъ образомъ: съ какими бы точными требованіями они ни приступали къ выполненію своей задачи, поэтическое воображеніе далеко уноситъ ихъ надъ дѣйствительностью, новые образы встаютъ въ ихъ фантазіи, и, не рѣшаясь разстаться съ ними, они привносятъ ихъ въ свой переводъ; конечно и здѣсь есть исключенія.

Лучшіе переводы стихотвореній Гёте принадлежатъ: Н. Холодковскому, А. Яхонтову, М. Михайлову, О. Миллеру, К. Аксакову и др. Лучшіе переводы четырехъ „римскихъ элегій“ принадлежатъ В. Крестовскому, хотя только одинъ изъ нихъ (6) помѣщенъ въ изданіяхъ Гербеля и Вейнберга. Элегіи эти слѣдующія: третья, четырнадцатая, шестнадцатая и восемнадцатая.

Вліяніе Гёте и идей періода „бури и натиска“ на русскую литературу.

Въ началѣ царствованія Александра I сближеніе Россіи съ Германіей сказалось не только въ наукѣ того времени, но и въ литературѣ. Профессора заимствовали отсюда свои научныя теоріи, литераторы и поэты совершали паломничества въ центръ тогдашней литературной жизни, въ Веймаръ, видѣлись съ Гёте, бесѣдовали съ нимъ и возвращались на родину, очарованные его приѣмомъ и олимпійской привѣтливостью. Если не всѣ могли заимствовать свѣтъ изъ его источника непосредственно, къ нимъ на помощь являлись или ихъ болѣе счастливые соотечественники, или такіе люди, какъ Ленцъ, Клинггеръ, Тоблеръ и др.

Ленцъ близко стоялъ къ кружку „бурныхъ геніевъ“, былъ соперникомъ Гёте въ его любви къ Фридерикъ Бріонъ, но его чувства не нашли въ ней отголоска. Онъ увлекался Шекспиромъ, подобно другимъ геніямъ и свои симпатіи привилъ Карамзину, который перевелъ даже „Юлія Цезаря“¹⁾.

¹⁾ Ленцъ сначала былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Гёте, нѣкоторое время жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Веймарѣ, участвовалъ въ литературныхъ чтеніяхъ у Карла Августа и читалъ вмѣстѣ съ нимъ „Физиогномику“ Лафатера (Розановъ, „Поэтъ періода бурныхъ стремленій“). Онъ даже вывелъ Гёте въ качествѣ дѣйствующаго лица въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній (въ „Танталъ“—драматическомъ стихотвореніи въ лицѣ Аполлона (ibid 348 стр.), въ романѣ: „Отшельникъ“ подъ именемъ Роте (408 стр. ibid). Близко онъ узналъ Гёте (познакомился онъ съ нимъ раньше, еще въ Страсбургѣ зналъ его), какъ сказано въ Веймарѣ, они не ужились вмѣстѣ и старая дружба ихъ разрывается. Ленцъ оставался все тѣмъ же поклонникомъ замысловъ „бурныхъ геніевъ“, Гёте пережилъ эту эпоху, жилъ вполне корректно при веймарскомъ дворѣ. Разрывъ между двумя товарищами послѣдовалъ въ 1776 г. Они обмѣнялись личными сатирами (418 стр. ibid и сл.). За пасквиль Ленца Гёте настоялъ на удаленіи его изъ Веймара, написавъ въ отвѣтъ: „Lenzens Eselei“. Впослѣдствіи онъ отзывался о Ленцѣ, какъ о человѣкѣ неодобрительно, какъ о поэтѣ благосклонно (см. Wahrheit und Dichtung) и не разъ высказывалъ это ему самому.

Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Ленцемъ и постоянно интересовался имъ¹⁾. Къ тому же не могла на него не подѣйствовать чувствительная душа изгнанника и его идеализмъ, не могли не интересоваться его рассказы про видныхъ и знаменитыхъ писателей и поэтовъ Германіи того времени, съ которыми онъ былъ хорошо знакомъ лично, про Гёте, Виланда, Лафатера и др. Совмѣстное пребываніе въ кружкѣ Новикова еще болѣе сблизило ихъ. Когда Карамзинъ поѣхалъ за границу, Германія не была для него terra incognita, онъ уже былъ знакомъ съ ней, бесѣдовалъ съ Виландомъ о Ленцѣ и съ Гёте не увиdлся только по чисто случайной причинѣ. Сначала Ленцъ поселился въ Петербургѣ, потомъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и написалъ большую часть своихъ статей и замѣтокъ по русской литературѣ, перевелъ первыя 5 пѣсней „Россиады“ Хераскова, хотѣлъ напечатать ихъ въ Германіи, но не успѣлъ въ этомъ (переводъ не сохранился).

Важное значеніе для Ленца имѣло его масонство (въ Ригѣ онъ былъ членомъ масонской ложи: „Zum Schwert“); оно открыло ему доступъ въ русское общество. Въ бытность Ленца въ Москвѣ въ ней проживалъ Шварцъ; онъ былъ тоже масономъ и черезъ его посредство Ленцъ, надо полагать, познакомился съ Новиковымъ, масономъ и другомъ Шварца²⁾. Петровъ, другъ Карамзина, по его собственному признанію, ежедневно видѣлся съ Ленцемъ въ его отсутствіе. Такимъ образомъ еще въ концѣ XVIII-го столѣтія была довольно тѣсная связь съ „Веймарской Аѳинской Академіей“³⁾. Немного позже культурная жизнь Россіи сталкивалась съ нѣмецкою не только въ отношеніи литературномъ и научномъ, но вліяла даже и на общественные интересы. Такъ напр. извѣстно вліяніе и участіе Гёте и Шиллера въ назначеніи въ Харьковскій Университетъ профессора философіи Шада⁴⁾.

Въ 1801 году былъ основанъ „Святой союзъ любви“, — „Дружеское Литературное Общество“ (можетъ быть въ подражаніе нѣмецкому Тугендбунду). Его руководителями были Мерзляковъ и И. Тургеневъ, главными членами: тотъ же Мерзляковъ и А. Тургеневъ, горячій поклон-

¹⁾ Напр. при разговорѣ съ Виландомъ, въ бытность Карамзина въ Веймарѣ, рѣчь идетъ о Ленцѣ; по пріѣздѣ въ Дерптъ Карамзинъ разыскиваетъ его старшаго брата и упрекаетъ его за то, что онъ не помогаетъ младшему и т. п.

²⁾ Шварцъ своими лекціями по нѣмецкой литературѣ оказывалъ сильное вліяніе на молодежь, тѣмъ болѣе, что литература эта до того времени была въ загонѣ.

³⁾ Пора „бурныхъ стремленій“ вызвала въ Россію и другого своего представителя: на русской службѣ долго находился Клингеръ. Его переписка съ Гёте напечатана Göttinge-Iharbuch III 82 г.

⁴⁾ См. проф. Багалъй. „Удаленіе Шада изъ „Харьков. Универс.“.

никъ Гёте¹⁾. Члены семьи Тургенева „съ дѣтства“ были знакомы съ Шиллеромъ и Маттисономъ и вотъ какъ Андрей Тургеневъ говоритъ о Гёте:

„Свободнымъ гениемъ натуры вдохновенный
Онъ въ пламенныхъ чертахъ ее изобразилъ;
И въ чувствахъ сердца лишь законы почерпалъ,
Законамъ никакимъ другимъ непокоренный“.

Стихи эти онъ написалъ будучи 16-ти лѣтъ отъ роду къ портрету великаго поэта. Значить уже мальчикомъ онъ началъ увлекаться его произведеніями, которыя давно уже появились въ Россіи, приводя въ восторгъ и классиковъ и романтиковъ, и соединяя ихъ какъ будто подъ одно знамя. На А. Тургенева въ значительной степени оказалъ вліяніе Тоблеръ, тотъ самый, о которомъ Алекс. Тургеневъ пишетъ своему брату Николаю: „Мысль моя летала въ минувшемъ, которое ближе моему сердцу. Я думалъ о Лафатерѣ, котораго любилъ батюшка и Ив. Влад., какъ въ К. думалъ о Фенелонѣ, думалъ о родственникѣ Лафатера Тоблерѣ, который былъ не столько учителемъ, сколько другомъ нашимъ, т. е. брата Андрея, ибо я еще не зналъ цѣну ему; но сохранилъ всѣ его письма къ брату, котораго онъ любилъ и разставшись съ нимъ. Жуковский зналъ и долго помнилъ Тоблера, умершаго въ Швейцаріи въ 1815 г.“²⁾ Тоблеръ по сохранившимся о немъ извѣстіямъ былъ въ Веймарѣ, видѣлъ Гёте и очень понравился ему.

Что касается Жуковского, то онъ могъ знакомиться, когда еще не занимался нѣмецкимъ языкомъ, съ русскими переводами стиховъ и прозы иностранныхъ писателей изъ журналовъ: „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ и „Иппокрена“. Это были его первые источники. Въ нихъ же онъ помѣщалъ и свои первыя произведенія и переводы.

Въ то время, когда Жуковский началъ переводить нѣмецкихъ писателей, въ Германіи уже приходила къ концу борьба двухъ школъ, приверженцевъ старо-литературной партіи, во главѣ съ Николаи и но-

¹⁾ Интересна характеристика этого общества, написанная А. И. Тургеневымъ, которая приведена Тихонравовымъ въ его статьѣ „Жуковский“: „Желалъ бы я друзьямъ русской литературы, коей нѣкогда Москва и въ ней университетъ былъ средоточіемъ, напомнить о томъ вліяніи, какое Веймарская Аѳинская дѣятельность имѣла и на нашу московскую словесность. Нѣсколько молодыхъ людей, большею частью университетскихъ воспитанниковъ, получали почти все, что въ изящной словесности выходило въ Германіи, переводили повѣсти и драматическія сочиненія Коцебу, пересаживали, какъ умѣли, на русскую почву цвѣты поэзіи Виланда, Шиллера, Гёте и почти весь тогдашній нѣмецкій театръ былъ переведенъ ими; многое было принято на театръ московскомъ“.

²⁾ Заимств. изъ статьи о „Жуковскомъ“ Тихонравова.

вой, увлекавшейся Гёте. Сначала образцомъ для переводовъ служили ему Гарве и Меркель съ его строгой критикой Гёте. Съ перваго раза онъ не могъ разобратъся во всемъ этомъ, что можно видѣть изъ письма къ Дашковой въ 1817 г., гдѣ онъ между прочимъ, называетъ писателей, достойныхъ по его мнѣнію, быть переведенными на русскій языкъ и на ряду съ Гёте, Шиллеромъ, Тикомъ, Новалисомъ, Жанъ-Полемъ указываетъ Ангеля и Гарве; въ послѣдствіи его симпатіи опредѣлились, но клонились болѣе на сторону Шиллера, чѣмъ Гёте. Это понятно: вѣдь Гёте совсѣмъ не романтикъ. Правда, у него былъ свой періодъ романтизма, но это былъ „кризисъ“ отъ котораго онъ скоро освободился ¹⁾. Сначала онъ увлекался французами, потомъ бросилъ ихъ, „находя ихъ манеру жить слишкомъ сдержанной и слишкомъ аристократичной, ихъ поэзію холодной и совсѣмъ неудовлетворительной“ ²⁾. Въ 1771 г. появился Гецъ-фонъ Берлихингенъ; ему предшествовало крайнее увлеченіе Шекспиромъ, патетическая рѣчь на шекспировскомъ праздникѣ восторгъ предъ Страсбургскимъ соборомъ, который онъ всегда воочію видѣлъ передъ собою ³⁾.

Но все это только переходная ступень къ его дальнѣйшему творчеству, такъ какъ онъ, по выраженію Э. Рода „былъ по своей природѣ, наименѣе романтичный изъ людей“. Греческій міръ, напр., Шиллеръ и Гёте воспроизводили съ двухъ точекъ зрѣнія: Шиллеръ превосходно передавалъ греческую жизнь, но только съ ея романтической стороны; Гёте болѣе всего запечатлѣвалъ ея философскую сторону, вносилъ въ свои произведенія философскій духъ. Понятно, что, романтикъ по натурѣ и убѣжденіямъ, Жуковскій былъ въ состояніи прекрасно переводить Шиллера, въ особенности его баллады, и неудачно Гёте, котораго онъ измѣнялъ, сообразно своимъ вкусамъ и настроенію. Только двѣ баллады переведены превосходно. Это: „Лѣсной царь“ и „Рыбакъ“. Въ „Лѣсномъ царѣ“ на Жуковского произвела впечатлѣніе роскошь фантазіи поэта съ ея чисто романтическимъ содержаніемъ (хотя и здѣсь онъ сдѣлалъ нѣсколько поправокъ и измѣненій врядъ ли случайно) ⁴⁾.

¹⁾ Le romantisme, qui convenait si bien au Klopstock et au Schiller ne fut pour lui qu'une crise, qui déterminèrent certaines circonstances, assez artificielles en réalité, a laquelle il échappa de bonne heure et complètement. Mais il était de sa nature, le moins romantique des hommes“ (Ed. Rod. 98. „Essai sur Goethe“ 59, 60 p).

²⁾ Ed. Rod. *ibid* p 64.

³⁾ Любсь. „Гёте, его жизнь“ р. 122, 145 г. I. 69 г.

⁴⁾ Образъ „Лѣсного царя“ такъ сильно подѣйствовалъ на Жуковского, что онъ воспользовался имъ для Громоубы. Такъ, когда его распаленная фантазія представляетъ ему всѣ ужасы послѣдней ночи, онъ видитъ призраковъ, видѣнія въ явленіяхъ природы и старикъ-отецъ успокаиваетъ его. (Загаринъ: „Жук., его жизнь“ 102 стр.).

въ „Рыбакѣ“—романтизмъ въ средневѣковомъ духѣ. „Моя богиня“, по той же причинѣ, переведена неудовлетворительно (см. разборъ). Жуковскій въ послѣдствіи высказывалъ сожалѣніе о томъ, что въ молодости не цѣнилъ Гёте:

„Почто судьба мнѣ запретила

Тебя узрѣть въ моей веснѣ?

Тогда душа бы воспалила

Свой пламень на твоёмъ огнѣ;

Тогда бь вкругъ меня созданъ

Иной чудесно пышный свѣтъ;

Тогда бь и обо мнѣ остался

Въ потомствѣ слухъ: „онъ былъ поэтъ!“

Жуковскій говоритъ въ своей статьѣ: „о переводахъ“: „Всего болѣе переводъ долженъ быть вѣренъ гармоніи, которой, смѣю сказать, можно иногда жертвовать и точностью и силою. Поэзія то же, что музыкальный инструментъ, въ которомъ вѣрность звуковъ должна уступать пріятности“. Далѣе: „Переводчикъ въ прозѣ есть рабъ; переводчикъ въ стихахъ—соперникъ“. Вотъ какъ онъ смотрѣлъ на переводы и ихъ технику. Насколько такой взглядъ невѣренъ показали послѣдующіе переводчики и прогрессъ этого рода творчества. Какъ А. Струговщикова нельзя назвать переводчикомъ, строго говоря, такъ утвердительно можно сказать это напр. о Н. Холодковскомъ. Да и самъ поэтъ не всегда строго слѣдовалъ этимъ принципамъ: многіе баллады Шиллера онъ перевелъ замѣчательно ¹⁾, также какъ и „Путешественника и поселянку“ Гёте.

Жуковскій и Гёте расходились во мнѣніи относительно средствъ, посредствомъ которыхъ истинная поэзія должна вліять на человѣка. Вотъ сужденія того и другого о Байронѣ и его поэзіи, приведенныя у Тихонравова ²⁾. Жуковскій пишетъ (1817 г.): „Многіе страницы его (Байрона) вѣчны, но въ немъ есть что-то ужасающее, стѣсняющее душу. Онъ не принадлежитъ къ поэтамъ-утѣшителямъ жизни. Что такое истинная поэзія? Откровеніе божественное произошло отъ Бога къ человѣку и облагородило здѣшній свѣтъ, прибавивъ къ нему вѣчность. Откровеніе поэзіи происходитъ въ самомъ человѣкѣ и облагораживаетъ здѣшнюю жизнь въ здѣшнихъ предѣлахъ ея. Поэзія Байрона не выдержитъ этой провѣрки. Гёте въ 1828 г. въ разговорѣ съ Эккерманомъ сказалъ про того же Байрона: „Я не согласенъ съ Вами.—Смѣлость,

¹⁾ См. Чехихинъ. „Жуковъ, какъ переводчикъ Шиллера“.

²⁾ См. статью: „О Жуковскомъ“ т. III соч.

отвага и грандіозность Байрона—развѣ все это не образовательно? Надобно остерегаться отыскивать образовательное только въ рѣшительно чистомъ и нравственномъ. Все великое образовательно, какъ скоро мы его сознаемъ“. Мнѣніе совсѣмъ противоположное мнѣнію Жуковскаго.

Къ 1809 г. относится первый переводъ (подражаніе) Жуковскаго изъ Гёте: „Моя богиня“ ¹⁾. Онъ появился вмѣстѣ съ Шиллеровской „Кассандрой“ и былъ слѣдствіемъ изученія нѣмецкой поэзіи, которому предавался въ это время поэтъ. Въ слабомъ подражаніи этомъ можно видѣть вліяніе старой школы нѣмецкихъ писателей, о которой сказано выше и приложеніе на практикѣ его взгляда на переводы. „Утѣшеніе въ слезахъ“ переведено Жуковскимъ въ 1817 году; оно написано во время его пребыванія въ Дерптѣ, отличается грустнымъ настроеніемъ и по своему духу есть чисто романтическое произведеніе. На выборъ этого стихотворенія для перевода, безъ сомнѣнія, повліяло то положеніе, въ которомъ онъ очутился, когда вернулся въ Дерптъ. Его лучшія чувства были попораны, Марья Андреевна вышла за мужъ за Мойера, да и вся жизнь его перевернулась. Онъ бросилъ мысль писать: „Владимира“, не поѣхалъ къ Черному морю, какъ предполагалъ раньше, а попалъ въ среду буршей, къ иноземцамъ, съ которыми у него небыло ничего общаго. Во всѣхъ стихотвореніяхъ этого періода видна грусть, осадокъ злключеній, испытанныхъ въ это время. Зейдлицъ говоритъ, что „Утѣшеніе въ слезахъ“ переведено изъ Гёте при разставаніи съ Дерптомъ и съ пріятиелями. Еще въ 1810 г. переведена элегія: „Опять ты здѣсь, мой благодатный гений“, предпосланная „Двѣнадцати спящимъ дѣвамъ“ ²⁾. „Къ мѣсяцу“ также написано по случаю прощанія съ Дерптскими друзьями ³⁾. Четыре стихотворенія: „Къ мѣсяцу, утѣшеніе въ слезахъ, рыбакъ и мина“ вошли въ сборникъ. „Für wenigen“, который представлялъ изъ себя собраніе переводныхъ пьесъ и издалъ его Жуковский по желанію своей Августѣйшей ученицы Вел. Кн. Александры Ѳеодоровны. „Путешественникъ и поселянка“ написана въ 1822 году. Вмѣстѣ съ этимъ переводомъ появились и другіе, „Замокъ Смальгольмъ“ Вальтеръ-Скотта и т. п. Загаринъ видить здѣсь вліяніе тѣхъ впечатлѣній, которыя поэтъ вынесъ изъ своего путешествія по Германіи и Швейцаріи. Всѣ письма его этого періода прони-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1809 г. № 17, стр. 31—34; а въ послѣдн. изд. нѣкоторые стихи измѣнены, другіе—выкинуты совсѣмъ.

²⁾ Эта элегія напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1811 г., но, судя по письму А. Тургенева къ Жуковскому, относится къ 1810 г.

³⁾ По Зейдлицу.

знуты восхваленіями красоть и выраженіемъ того очарованія, которое онъ испыталъ въ это время. Кромѣ того въ Веймарѣ онъ имѣлъ свиданіе съ самимъ „Олимпійцемъ“. Навсегда осталось у него въ памяти это свиданіе, слѣдствіемъ котораго и предшествующихъ обстоятельствъ и былъ этотъ переводъ. (Кромѣ того Жуковскій перевелъ нѣкоторыя другія стихотворенія: „Лѣсной царь“, „Орелъ и голубка“, „Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ“, „Жалоба пастуха“, „Новая любовь—новая жизнь“, „Памятники“, „Мысли“, „Обѣты“).

Посѣтивъ Веймаръ въ 1827 г. и пробывъ тамъ три дня, Жуковскій оставилъ Гёте стихотвореніе: „къ Гёте“, гдѣ встрѣчается слѣдующая характерная строфа:

„Въ далекомъ полуночномъ свѣтѣ
Твоею музою я жилъ,
И для меня твой гений, Гёте
Животворитель жизни былъ“ ¹⁾

Вотъ еще отзывъ о Гёте:

„Свободу смѣлую принявъ себѣ въ залогъ,
Всеящей мыслью надъ міромъ онъ носился,
И въ мірѣ все постигнулъ онъ,
И ничему не покорился“ ²⁾

Прототипомъ ему могло служить стихотвореніе Андр. Тургенева, приведенное нами выше. Въ Германіи въ это время переводятся русскіе поэты Боурингомъ, въ „Искусствѣ и древности“ съ уваженіемъ отзываются о восточныхъ талантахъ (östlichen talenten) и въ особенности о Жуковскомъ ³⁾. Такимъ образомъ въ Германіи знали о Россіи, въ Россіи еще больше знали о Германіи, въ особенности о ея литературѣ и все это еще болѣе поднимало въ глазахъ русскихъ людей авторитетъ Гёте и увѣнчалось изданіемъ: „Московского Вѣстника“.

¹⁾ 4-е изд. Соч. Жук. подъ ред. Ефремова 412 стр.

²⁾ Къ портрету Гёте. 1821 г.

³⁾ „Herr Bowring hat uns schon im Jahre 1821 ebenfalls mit einer russischen Anthologie beschenkt, wodurch wir mit jenem entfernten östlichen Talenten, von denen uns eine weniger verbreitete Sprache scheidet, näher bekannt wurden. Nicht allein erhielten dadurch berühmte Namen eine lebendigere Bedeutung, sondern wir lernten auch daraus einen Mann, der uns schon längst durch Lieb und Treundschaft verwandt war, Herrn Shukowski näher kennen, und ihn, der uns bisher in zarten gedichten freundlich und ehrend verpflichtet hatte, auch in der weiteren Ausdehnung seines poetischen Erzeugens lieben und bewundern“. (въ журн. „Kunst und Altertum“) (см. Otto Harnack. Goethes Bezieh. zu russisch. Schreib. Zeitschrift für vergleichende Litterat. 1890 г. 270 стр. 4—5 н. III В.).

Прежде чѣмъ перейти къ „Московскому Вѣстнику“, необходимо упомянуть объ одномъ кружкѣ, именно объ „Арзамасѣ“. Когда дѣятели Московскаго Дружеско-Литературнаго Общества распались на двѣ партіи, по отношенію къ вопросу о романтизмѣ, молодежь отстала отъ Мерзлякова съ его приверженцами, такъ какъ горячо и съ глубокой симпатіей относилась къ новому направленію. Когда они (Тургеневы, Жуковский и др.) собрались къ 1815 г. въ Петербургѣ, то въ противобѣсъ сторонникамъ ложно-классицизма съ Шишковымъ во главѣ, образовали свой кружокъ, названный „Арзамасомъ“¹⁾, можетъ быть въ подражаніе „бурнымъ геніямъ“, потому что напр. въ арзамасской табели о рангахъ всякій членъ общества носить титулъ: „Его Превосходительство геній Арзамаса“²⁾. Засѣданія Арзамаса носятъ шумный и веселый характеръ, члены его не отказываютъ себѣ ни въ какихъ шуткахъ, надсмѣхаются не только надъ своими противниками, но и надъ самими собою; къ французской литературѣ арзамасцы относились также точно, какъ и „геніи“, не высоко ее цѣнили и упрекали за недостатокъ вкуса. Кружокъ явно носитъ на себѣ отпечатокъ нѣмецкихъ идей. Гёте для многихъ составляетъ предметъ поклоненія.

Появляется „Московский Вѣстникъ“. Вообще въ 20-хъ и 30-хъ годахъ высоко ставили Гёте и считали его однимъ изъ первыхъ людей міра (интересно то обстоятельство, что Шевыревъ, не смотря на то, что хулилъ Европу и говорилъ о „гніеніи Запада“ съ увлеченіемъ объяснялъ на своихъ лекціяхъ Гёте и его Гёца). Журналъ существовалъ недолго, но и за это короткое время его литературная фізіономія успѣла вполне опредѣлиться. Одно участіе Шевырева, Веневитинова и Пушкина совершенно достаточно для того, чтобы наложить на него извѣстный отпечатокъ. Шевыревъ—теоретикъ, Веневитиновъ—практикъ, поэтъ; чему первый (къ нему присоединялись и другіе напр. Кирѣевскій) сочувствовалъ на словахъ, то второй выливалъ въ опредѣленную форму, (напр. переводы изъ Гёте), проводилъ въ жизнь, реализировалъ мнѣнія своего кружка и запечатлѣвалъ въ поэтическихъ образахъ. Во второмъ томѣ 1827 г. „Московскаго Вѣстника“ появился переводъ Шевырева статьи, заимствованной изъ Гёте: „Разговоръ объ истинѣ и правдоподобіи въ искусствѣ“. Здѣсь же Веневитиновъ помѣщаетъ свое стихотвореніе: „Поэтъ“, гдѣ послѣдній называется „сыномъ боговъ“ любителемъ музъ и вдохновенія и Титовъ свою ста-

¹⁾ Проф. М. Халанскій. „Вліяніе В. Л. Пушкина на поэтич. творч. А. С. Пушкина“ „Харьков. У. Сбор.“ 1900.

²⁾ Ibid.

тью: „О достоинствѣ поэта“. О немъ онъ выражается такимъ образомъ: „Смертный, вспомни слово поэта, который въ бореніи съ смертною болѣзнію взывалъ къ своему сыну: скажи мнѣ піитическую мысль! она освѣжить меня“. Въ I-мъ томѣ того же года Шевыревъ пишетъ: „Разговоръ найти единый законъ для изящнаго“. Одинъ изъ собесѣдниковъ, именно Лициній говоритъ: „Скажу тебѣ откровенно я вдвое жилъ въ произведеніяхъ Шекспира, Гёте и Шиллера; у меня сильнѣе билось сердце; тысячу мыслей и чувства измѣнялась каждая минута ¹⁾. Здѣсь прямо называются кумиры, которымъ поклонялся кружокъ, соединенный между собой стремленіемъ къ прекрасному; къ этимъ авторитетамъ присоединялось еще и имя Шеллинга. Кирѣевскій пишетъ восторженную статью о немъ ²⁾ и о разговорѣ съ нимъ. Имѣя въ виду главную цѣль, именно, чтобы показать вліяніе Гёте на „Московский Вѣстникъ“ и черезъ это на тогдашнюю литературу, мы оставимъ въ сторонѣ Шекспира и Шиллера, о которыхъ и не такъ часто говорится, какъ о Гёте. За нимъ постоянно и зорко слѣдятъ, стараются популяризировать его; ни одно его произведеніе не остается тайной для журнала. Въ продолженіе всего изданія печатаются избранныя главы изъ „Вильгельма Мейстера“, печатается отрывокъ изъ „Гётева романа“: „Страданія Вертера“ подъ заглавіемъ: „Вотъ гдѣ былъ предатель“ ³⁾; среди стихотвореній Языкова, Веневитинова, Хомякова, помѣщаются переводы лирическихъ пьесъ изъ Гёте Шевырева: „Благодать, время и поэтъ, поэзія“ ⁴⁾ и неизвѣстнаго: „Сонные, спите по вашимъ шатрамъ“. Въ VI-й части 1827 г. въ началѣ находится портретъ ⁵⁾ самого „Олимпійца“. Это явленіе знаменательное. Это портретъ не Шиллера, но Шекспира, а поэта своимъ объективизмомъ представлявшего сильную преграду идеямъ романтизма. Мнѣніямъ Гёте о какомъ-либо событіи или произведеніи придается громадное значеніе. Въ примѣчаніи къ отрывку изъ романа „Вильгельмъ Мейстеръ“ ⁶⁾, Шевыревъ говоритъ слѣдующее: „Въ отрывкѣ изъ путешествія Жуковскаго, помѣщенномъ въ первой книжкѣ „Телеграфа“, мы прочли мнѣніе Тика и Жуковскаго. Изъ предлагаемаго отрывка читатели узнаютъ мнѣніе Гёте о великомъ произведеніи Шекспира“. Въ 1830 году ⁷⁾ печатаются двѣ статьи изъ

¹⁾ I т. „М. Вѣстн.“ 1827 г. 40 стр.

²⁾ „Моск. Вѣстн.“ 1830 г. ч. I.

³⁾ II т. 1827 г. „Моск. Вѣстн.“

⁴⁾ „Моск. Вѣстн.“ 1828 г. VIII ч.

⁵⁾ „Моск. Вѣстн.“ 1828 г. X ч.

⁶⁾ „Характеръ Гамлета“.

⁷⁾ „Моск. Вѣстн.“ 1830 г. ч. III.

Гёте: „Древніе (о Грѣсахъ и возвращеніи къ эллинизму) и „Идолопоклонство“ (о язычествѣ Винкельмана)¹⁾. Все это показываетъ, нѣсколько Гёте занималъ умы сотрудниковъ „Московского Вѣстника“

VIII-я часть 1828 г. интереснѣе другихъ книжекъ журнала въ этомъ отношеніи. Въ первыхъ, здѣсь помѣщены вышеуказанные переводы стихотвореній, во вторыхъ статья: „Гёте и Шиллеръ“²⁾. Тутъ же находится и письмо поэта къ издателю журнала. Оно очень интересно, какъ доказательство того, что Гёте зналъ о существованіи „Московского Вѣстника“ и о Шевыревѣ. Въ одной изъ книжекъ журнала 1827 г.³⁾ въ отдѣлѣ критики Шевыревъ помѣстилъ статью: „Елена, междудѣйствіе къ Фаусту Гёте“, въ беллетристическомъ же отдѣлѣ сцену изъ 2-й части Фауста; сцена эта называется: „поэтическимъ чуднымъ сномъ его (Гёте) прихотливаго, вѣтреннаго и самолюбиваго воображенія⁴⁾. Переводчикъ находитъ, что „здѣсь разрѣшены поэтомъ—ясновидцемъ многія тайны исторіи и поэзіи“; Здѣсь разрѣшена имъ загадка рамантизма и звучной риѣмы“. Эти слова показываютъ, въ какомъ духѣ ведется разборъ Елены. Борхардъ сообщаетъ журналу о письменномъ отвѣтѣ Гёте на его отрывокъ: „Goelhes Würdigung in Busseland zur Würdigung von Russland“ и на этотъ разборъ Елены Шевыревымъ. Самое письмо напечатано параллельно на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Разборъ понравился Гёте и разрѣшеніе въ немъ проблемъ онъ нашелъ удачнымъ. Онъ говоритъ: „Хотя мы, западные, многими посредствами, а особенно черезъ г-на Баурига⁵⁾, уже знакомы съ достоинствами вашихъ стихотворовъ; хотя, судя по нимъ и по многимъ другимъ благороднымъ признакамъ можемъ предполагать высокое эстетическое образованіе въ обширной области вашего языка; но, не смотря на то, для меня все еще было неожиданнымъ встрѣтить въ отношеніи ко мнѣ, на отдаленномъ востокѣ, чувства столь нѣжныя, сколько и глубокія, коихъ милѣе и привлекательнѣе врядъ ли можемъ мы найти на нашемъ западѣ, уже многія столѣтія идущимъ къ образованію“⁶⁾. Далѣе: „уже мои усладительныя отношенія къ Жуковскому были мнѣ доказательствомъ нѣжнѣйшаго сочувствія и чистаго, дѣятельнаго соучастія“. Бауригъ переводилъ русскихъ поэтовъ и черезъ эти переводы Гёте

¹⁾ Во II-мъ т. 1827 г.: „Мысли Гёте о дружбѣ“ (283 стр.); „объ изящномъ“ (284 стр.).

²⁾ Стр. 91.

³⁾ VI ч. 1827 г. „Моск. Вѣст.“.

⁴⁾ 80 стр.

⁵⁾ См. выше ст. Otto Harnack'a.

⁶⁾ 329 стр.

познакомился съ ними; онъ сравниваетъ культуру русскую съ западной, при этомъ не отзывается о ней презрительно, и говоритъ о глубокихъ чувствахъ русскихъ; о своемъ свиданіи съ Жуковскимъ онъ очевидно сохранилъ самыя пріятныя воспоминанія.

Все это, конечно, не даетъ право думать, что Гёте особенно интересовался Россіей или имѣлъ о ней вѣрныя свѣдѣнія, которыя давали бы ему возможность правильнѣе судить о ея духовной жизни, но, во всякомъ случаѣ, указываетъ на существованіе связи между Веймаромъ и литературнымъ кружкомъ „Московского Вѣстника“. Веневитиновъ переводитъ: „Земную участь художника и Апоеозъ художника“¹⁾, въ 1828 г. напечатана: „Сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ“ Пушкина.

Такимъ образомъ вліяніе Гёте на русскую литературу того времени можно ставить рядомъ съ вліяніемъ Шиллера и Шекспира.

Въ исторической эволюціи литературныхъ симпатій мы можемъ замѣтить, какъ мало по малу интересъ общества къ Шиллеру увеличивается, къ Гёте же падаетъ, но происходитъ совершенно обратное явленіе, когда мы углубляемся внутрь XIX-го столѣтія и идемъ къ его началу.

Обратимся теперь къ Пушкину и посмотримъ, каково было его отношеніе къ „Московскому Вѣстнику“. Л. Майковъ полагаетъ, что только изъ уваженія къ Шевыреву онъ принялъ участіе въ журналѣ, но что ничто не связывало его съ кружкомъ сотрудниковъ. Также точно личные чувства и отдалили его отъ послѣдняго, именно, нерасположеніе Шевырева къ Боратынскому, котораго Пушкинъ очень уважалъ и его строгая критика Катенина. По мнѣнію Майкова онъ неособенно еще сочувствовалъ „крайнимъ умозрѣніямъ молодыхъ эстетиковъ“ и даже отвлекъ ихъ отъ восторженнаго поклоненія излюбленной идеѣ²⁾. Существуетъ другое мнѣніе, чаще высказываемое: еще въ Одессѣ Пушкинъ предпочиталъ библію Гёте и Шекспиру; его знакомство съ Гёте оказало ему услугу тогда, когда онъ склонялся уже къ объективному міросозерцанію; когда подъ вліяніемъ изученія родной старины и работы надъ трагедіями, обратился къ чистому художественному творчеству. И вотъ здѣсь то какъ разъ кстати предложили ему участвовать въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ съ его культомъ Гёте; онъ сошелся во мнѣніяхъ съ Веневитиновымъ и другими участниками кружка въ этомъ пунктѣ, началъ уединять поэта отъ толпы и написалъ „сцену“.

¹⁾ VIII ч.

²⁾ Майковъ. Истор., — лит. оч. „Воспомин. Шевырева о Пушк.“ 186 стр.

Во всякомъ случаѣ во время своего пребыванія въ сотрудникахъ „Московского Вѣстника“ Пушкинъ отдалъ дань, хотя и незначительную, духу, въ немъ господствовавшему. Анненковъ въ своихъ „Матеріалахъ“ замѣчаетъ между прочимъ, что за нѣсколько дней до своей смерти Веневитиновъ приглашалъ поэта своимъ „Посланиемъ къ Пушкину“ „воспѣть великаго старца Гёте“, и онъ воспѣлъ его, но воспѣлъ своеобразно, сочинивъ новую сцену между Фаустомъ и Мефистофелемъ; затѣмъ прибавляетъ, что многія лица, посѣщавшіе Пушкина, рассказывали, что видѣли у него на письменномъ столѣ богатый футляръ съ надписью: „подарокъ Гёте“, въ которомъ лежало перо, посланное германскимъ поэтомъ вмѣстѣ съ поклономъ чрезъ посредство одного нутешественника ¹⁾).

Какъ случилось, что Пушкинъ, у котораго было такъ много сходства съ Гёте, о чемъ неоднократно говоритъ Бѣлинскій и А. Григорьевъ, мало занимался имъ? Это произошло вслѣдствіе того, что поэтъ плохо зналъ по нѣмецки и не могъ читать въ оригиналѣ такого труднаго поэта, какъ Гёте; но не смотря на это онъ все таки интересовался имъ. Какъ великъ былъ его интересъ въ данномъ случаѣ трудно рѣшить, такъ какъ и онъ самъ и его современники даютъ объ этомъ самыя разнорѣчивыя свидѣтельства. Чехихинъ въ своей статьѣ: „Гёте и Пушкинъ“ ²⁾, выписавъ всѣ мѣста изъ „писемъ“ Пушкина, относящіяся къ интересующему насъ вопросу, приходитъ къ заключенію, что судить по нимъ объ отношеніяхъ его къ Гёте невозможно. Также нѣтъ указаній на то, чтобы Пушкинъ еще дома учился нѣмецкому языку, а въ лицей онъ не особенно усердно занимался имъ. По словамъ Анненкова ³⁾, Пушкинъ до лицей „плохо изучалъ англійскій языкъ, а по нѣ-

¹⁾ Отто Гарнакъ говоритъ, что дѣйствительно Гёте подарилъ перо Пушкину и послалъ его вмѣстѣ со стихами, отношеніе которыхъ къ какому-либо опредѣленному лицу еще не выяснено. Именно эти стихи и относились къ Пушкину. Вотъ они:

Goethes Feder an
„Was ich mich auch sonst erkühnt,
Jeder würde froh mich lieben,
Hätt ich treu und frei geschrieben
All das Lob, das „Du verdient.“

„Zeitschrift für vergl. Litteraturgesch“. 1890. г. III В. 4—5 и р. 271, Otto Harnack. Goethes Bezih. zu russische Schreib.).

Смирнова также упоминаетъ о перѣ, которое ей показывалъ Пушкинъ; это произошло спустя нѣкоторое время послѣ возвращенія Жуковского изъ Веймара. („Сѣв. Вѣст.“ 1893 г. III кн. 152 с.).

²⁾ „Наблюдатель“ 1900 г. № 1. Чехихинъ. Гёте и Пушкинъ. Рѣчь, прочитан. 21 ноября 1899 г. на актѣ по случ. юбилея „Русс. литерат. кружка“ въ Ригѣ.

³⁾ Анненковъ. Матеріалы для біогр. Пушкина. 12 стр.

мецки и вовсе не учился; хотя и была у него нѣмка-гувернантка, да и та почти никогда не говорила на своемъ родномъ языкѣ“. Въ лицѣ онъ началъ было изучать нѣмецкій языкъ и литературу подъ руководствомъ своего пріятеля Дельвига, но при первомъ знакомствѣ съ Клопштокомъ бросилъ свои занятія ¹⁾, впоследствии Шиллера и Гёте онъ читалъ во французскомъ переводѣ ²⁾. Какъ извѣстно, стихотвореніе „Городокъ“ содержитъ въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о тѣхъ писателяхъ, которыхъ любилъ читать поэтъ, но нѣмецкихъ здѣсь нѣтъ. По мнѣнію Анненкова, Пушкинъ и позже не читалъ по нѣмецки или читалъ тяжело, и вслѣдствіе этого увлекся байронизмомъ, также какъ увлекся бы, вѣроятно, нѣмцами, если бы зналъ хорошо ихъ языкъ; увлеченіе же кѣмъ-нибудь было необходимо, какъ реакція противъ французской поэзіи. Шевыревъ подтверждаетъ мнѣніе Анненкова ³⁾. Онъ читалъ Шекспира (а равно Гёте и Шиллера) не въ подлинникѣ, а въ старомъ французскомъ переводѣ, поправленномъ Гизо, но понималъ его гениально. По англійски выучился гораздо позже въ Петербургѣ и читалъ Вордсворта ⁴⁾. Калишъ въ своей послѣдней статьѣ ⁵⁾ говоритъ о изученіи Пушкинымъ языковъ. Онъ быстро выучилъ латинскій языкъ въ деревнѣ, англійскій въ Петербургѣ, что же касается нѣмецкаго, то онъ говорилъ: „только съ нѣмецкимъ не могъ я сладить, выучусь ему и опять все забуду, это случалось уже не разъ“. Такимъ образомъ Пушкинъ не зналъ по нѣмецки и читалъ Гёте во французскомъ переводѣ, и, хотя „понималъ его гениально“, все таки вліяніе на него великаго поэта могло быть совсѣмъ незначительно или во все даже не быть.

Интересна попытка Чишихина ⁶⁾ сравнительно проанализировать главные типы произведеній Гёте и Пушкина. Говоря послѣдовательно о Фаустѣ и Евгеніи Онѣгинѣ, Ифигеніи и Татьянѣ, Эгмонтѣ и Мазепѣ, о Ленскомъ и Тассо, о Гецѣ и Борисѣ Годуновѣ, о Клерхенѣ и Маріи, Аниѣ (Д. Жуанѣ) и Маріи (Клавиги), сравнивая ихъ между собою, находя аналогичныя черты въ ихъ характерѣ и судьбѣ, оправдываемыя убѣжденіями и точкой зрѣнія обоихъ поэтовъ, онъ говоритъ въ концѣ концовъ: „Это уваженіе (къ „законамъ жизни“ и „границамъ человѣ-

¹⁾ Ibid 16 стр.

²⁾ Академическое изд. „соч. Пушк.“ т. I „прим. А. Майк.“.

³⁾ Майковъ. Истор.-лит. очерки. „Воспом. Шевырева о Пушк.“ стр. 165.

⁴⁾ Проф. Кирпичниковъ, говоря о занятіяхъ Пушкина Гёте и Шекспиромъ въ Одессѣ, раздѣляетъ это мнѣніе и думаетъ, что перваго онъ читалъ во французскомъ переводѣ, такъ какъ по нѣмецки читалъ неохотно.

⁵⁾ Русскій Архивъ 1901 г. № 6 „Замѣтки о Пушкинѣ“.

⁶⁾ См. вышеуказан. статью его.

чества“) очевидно коренится въ философскомъ воззрѣніи на человѣчество, какъ на ничтожную сравнительно часть какой то высшей силы, которая, въ свою очередь, уже безгранична и непредѣльна. То воззрѣніе, въ которомъ они черпали свой взглядъ на жизнь и ея законы, былъ философскій пантеизмъ Гёте и пантеизмъ—предрасположеніе Пушкина“. Главнымъ образомъ на основанія „Разговоровъ“ Эккермана Чешихинъ основываетъ свое утвержденіе, что Гёте ничего не зналъ о Пушкинѣ, хотя и зналъ о существованіи русской литературы. Мысль о сходствѣ мировоззрѣній двухъ поэтовъ не нова: ее раньше уже высказывалъ Бѣлинскій. Онъ часто сопоставляетъ Гёте съ Пушкинымъ и говоритъ о сходствѣ ихъ пантеистическаго мировоззрѣнія. Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Подобно Гёте, Пушкинъ есть поэтъ внутренняго міра души и можетъ быть болѣе, чѣмъ Гёте, способенъ воспитать чувства человѣка, разработать и развить его, сдѣлать его эстетически прекраснымъ ¹⁾“.

А. Григорьевъ часто упоминаетъ вмѣстѣ имена того и другого и ставитъ ихъ рядомъ въ противоположность Шиллеру и Гоголю. Интересныя свидѣтельства объ отношеніяхъ Пушкина къ Гёте заключаютъ въ себѣ: „Записки Смирновой“.

Пушкинъ называетъ Гёте Дантемъ Германіи, великимъ учителемъ, а Мицкевича, который былъ въ Веймарѣ и видѣлъ его, счастливымъ ²⁾. „Восточный Диванъ“, по словамъ Смирновой, для него былъ однимъ изъ любимѣйшихъ произведеній ³⁾.

Однажды Пушкинъ сказалъ: „Гёте общаетъ русской литературѣ великую будущность; Жуковскій видѣлъ у него Шлегелей и говорилъ о нашей славянской поэзіи“ и т. д. ⁴⁾.

„Днемъ Пушкинъ заѣхалъ ко мнѣ, пишетъ Смирнова, я рассказывала ему о чтеніи (читали „Фауста“ у Государыни), потому что онъ

¹⁾ „Соч. Бѣлинскаго“ изд. Павл. стр. 855 кн. III. „библиогр. и журн. изв.“ Мережковский въ своей статьѣ о Пушкинѣ („Филос. теч. въ рус. поэзіи“ Перцева) постоянно соединяетъ обоихъ поэтовъ.

²⁾ „Какъ онъ (Мицкевичъ) счастливъ! Онъ былъ въ Веймарѣ и видѣлъ Гёте“, воскликнулъ однажды Пушкинъ (см. „Запис. Смирн.“ Сѣверный Вѣстн. 1894 г. Апр. 161 стр.

³⁾ Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Гёте нашъ великій учитель и Байронъ это понималъ, а между тѣмъ у него подъ рукою былъ Шекспиръ, не только какъ поэтъ, но какъ великій философъ, какъ творецъ цѣлаго человѣчества; не стихи Шекспира слѣдуетъ изучать, а мысли его. Гёте—Дантъ Германіи, у него и мысли и стихи, онъ также многимъ обязанъ Данте и Шекспиру“. (Сѣв. Вѣст. „Запис. Смирн.“) Апр. 1894 г. 166 стр.

⁴⁾ „Сѣв. В.“ 1893 г. 3 кн. 152 стр. „Зап. Смирн.“

„Записки Императ. Харьк. Универс.“, 1902 г.

перевелъ одну сцену Фауста, если это можно назвать переводомъ (такъ какъ это оригинально). Ему бы очень хотѣлось поѣхать попутешествовать и повидать Гёте, но семейныя и разныя другія препятствія противъ этого. Гёте знали и интересовались имъ не только въ тѣсномъ кружкѣ Смирновой, но и въ высшихъ сферахъ. Такъ Государь рассказываетъ о своемъ свиданіи съ нимъ и удивляется ему за его талантъ и собственныя идеи; онъ, Государыня и Жуковскій только что пріѣхавшій изъ Германіи, съ интересомъ дѣлятся впечатлѣніями о великомъ человѣкѣ. Пушкинъ, очевидно, интересуется всякими словами, исходящими изъ его устъ и убѣдительно проситъ Смирнову передать разговоръ, предметомъ котораго былъ Гёте. ¹⁾ Здѣсь нѣтъ несоотвѣтствія между ея словами и фактомъ: поэтъ могъ интересоваться и даже въ высшей степени крупною литературною величиною, но не испытывать на себѣ ея вліянія. О „Фаустѣ“, онъ замѣчаетъ, что въ немъ больше идей, мыслей и философіи, чѣмъ во всѣхъ нѣмецкихъ философахъ, не исключая Лейбница, Канта и др. ²⁾ Въ кружкѣ Смирновой много говорятъ о нѣмецкой поэзіи, при чемъ Пушкинъ высказываетъ очень близкое и толковое проникновеніе въ ея идеи. (Интересъ къ какому-либо поэту не исключаетъ возможности малаго знакомства съ его произведеніями; въ данномъ случаѣ могло случиться, что свои познанія въ нѣмецкой литературѣ Смирнова безъ всякаго умысла съ своей стороны приписала поэту).

Интересно замѣчаніе Пушкина по поводу „Фауста“. Смирнова однажды спросила, почему Мефистофель у него всегда дѣятеленъ, всегда ему необходимо быть дѣятельнымъ. Пушкинъ замѣчаетъ: „Потому что зло всегда дѣятельно, таковъ уже и духъ зла“. Далѣе: „Человѣкъ постоянно дѣятельное и дѣйствующее существо; стремленіе творить, дѣлать что нибудь—есть божественное свойство. Ангелы обладали этимъ свойствомъ и Люциферъ сохранилъ его. Но человѣкъ властенъ въ выборѣ между добромъ и зломъ. Люциферъ уже не можетъ творить добраго, онъ связанъ необходимостью, вынуждающей его дѣлать злое; въ этомъ его наказаніе, онъ не можетъ уже подняться изъ пропастей тмы кромѣшной. Гордость Люцифера должна страдать отъ этого ограниченія областью злого, я такъ думаю, по крайней мѣрѣ,—и оттого онъ и ненавидитъ чистыхъ духовъ, ангеловъ. Особенно онъ ненавидитъ человѣчество, одаренное властью выбора между добромъ и зломъ. Онъ искушаетъ человѣка изъ ненависти къ существу, могущему

¹⁾ „Сѣв. В.“ 1893 г. 4 кн. „Зап. Смирн.“ 229 стр.

²⁾ „Сѣв. В.“ 1893 г. 3 кн. „Зап. Смирн.“ 236 стр.

умереть отъ ничтожной причины и который все же свободнѣе его,—его, который былъ ангеломъ, денницей. Такъ объясняю я себѣ злого духа—искусителя. И Байронъ, усердно читавшій библію, также понималъ его; его сатана грандіознѣй сатаны Мильтона, онъ и ближе къ библейскому, по моему мнѣнію¹⁾.

Это комментарий къ его „Спенѣ“.

Всѣ эти разговоры могутъ свидѣтельствовать о томъ интересѣ, съ которымъ Пушкинъ относился къ Гёте. Но въ литературѣ встрѣчаются и противоположныя мнѣнія, приписываемыя ему, и другое отношеніе къ германскому поэту. Такъ, напр., у Павлицева въ „Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ“ въ одномъ мѣстѣ (только здѣсь во всей книгѣ и упоминается имя Гёте) Пушкинъ говоритъ: „Съѣздить за границу всегда успѣю, а теперь хочу—только не пугайся—провѣдать тотъ край, гдѣ не только душистый померанецъ, но и чай душистый зрѣетъ. „Kennst du das Land“, какъ воспѣваетъ, кажется, Гёте. „У Пушкина есть стихотвореніе: „Желаніе“, форма его напоминаетъ „пѣсню миньоны“, но полагаютъ, что это только случайность, потому что въ 1821 году Пушкинъ еще не знакомился съ нѣмецкими поэтами по подлинникамъ (хотя, напр., въ лицѣ онъ могъ читать пѣсню вмѣстѣ съ Дельвигомъ). „Кто знаетъ край“ написано въ 1827 г., а впервые издано въ 1838 г. Въ эпиграфѣ поставлено „Kennst du das Land“... изъ Гёте (Wilh. meis.) и другой: „по клюкву, по клюкву, по ягоду по клюкву“. Этимъ эпиграфомъ и ограничивается вліяніе Гёте,²⁾ такъ какъ это начало стало шаблоннымъ и встрѣчается и у другихъ поэтовъ (напр. у Толстого, въ др. мѣстѣ у Пушкина). Такимъ образомъ у Пушкина несомнѣнно существовали симпатіи къ нѣмецкой литературѣ, но симпатіи не исключительныя и въ большой степени подѣ вліяніемъ Жуковского, который и самъ въ этомъ отношеніи былъ преемникомъ Тургенева и Карамзина.

Въ журналахъ 40-хъ годовъ, какъ и 30-хъ часто встрѣчается имя Гёте; толкуютъ о немъ и разсматриваютъ его произведенія съ той или другой точки зрѣнія, выступаютъ съ своими сужденіями по этому вопросу Бѣлинскій, Кенигъ, Шевыревъ и др. Шевыревъ, напр., даетъ такой отзывъ о лирическихъ произведеніяхъ Гёте: „въ нихъ стекаются отголоски лиры всѣхъ народовъ. Здѣсь чувствуется вѣяніе поэзіи Пиндара, Овидія, Тибулла, Петрарки“.³⁾ Еще раньше въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ онъ написалъ разборъ Гёте. Какимъ авторитетомъ былъ Гёте

1) „Сѣв. В.“ 1893 кн. 11, „Зал. Смирновой“ 133 с.

2) См. Сумцовъ. Харьк. унив. сб., „Этюды о Пушк.“ 235, 6, 7, 8 стр.

3) „Моск. Наблюд.“ 1837 г. ч. X, 155—158 стр.

видно, напр., изъ слѣдующаго случая: когда надо было сказать о высокихъ достоинствахъ Добровскаго, въ „Литературныхъ прибавленіяхъ“ былъ помѣщенъ отзывъ о немъ Гёте. Бѣлинскій увлекался имъ, считалъ его истиннымъ поэтомъ на ряду съ Пушкинымъ и Шекспиромъ и написалъ статью: „Менцель, критикъ Гёте“, въ 40-хъ годахъ онъ принадлежалъ къ кружку Станкевича и Грановскаго, который ставилъ выше всего: Шекспира, Гёте и Пушкина и признавалъ только спокойное, объективное міросозерцаніе. Когда нужно было сказать объ отношеніи Пушкина къ Гоголю, то съ ними сравнили Гёте и Шиллера. ¹⁾ Но позднѣе Бѣлинскій уже не такъ восторженно отзывался о Гёте; такъ въ статьѣ о Баратынскомъ онъ говоритъ о немъ: „Многіе не безъ основанія догадываются уже, что Гёте, поэтъ прошедшаго, въ настоящемъ умеръ развѣнчаннымъ царемъ“. ²⁾ Далѣе Бѣлинскій замѣчаетъ: ³⁾ „обидно видѣть, какъ люди, не понимая дѣла, все отдають Гёте, все отнимая у Шиллера. Если ужъ надо сравнивать другъ съ другомъ этихъ поэтовъ, то, право, еще не рѣшенное дѣло,—кто изъ нихъ долѣе будетъ владѣть вѣдствовать въ царствѣ будущаго“.

Въ 1853 г. А. Григорьевъ въ своей статьѣ: „русская изящная литература въ 1852 г.“ ⁴⁾ такъ отзывался о „Римскихъ элегіяхъ:“ въ самомъ Гёте, хотя онъ и представляетъ собою идеаль непостижимый объективнаго лирическаго поэта, въ самомъ Гёте иногда поражаетъ нѣкоторою фальшью утонченная пластичность и, не зная, какъ на кого, а на насъ крайне непріятно дѣйствуетъ извѣстное мѣсто въ „Римскихъ элегіяхъ“, гдѣ поэтъ выбиваетъ стопы стиховъ на спинѣ своей возлюбленной—ибо мы видимъ здѣсь не римлянина, и тѣмъ менѣе грека, а новаго человѣка, да еще вдобавокъ нѣмца, методически и съ рефлексіей признававшагося наслажденіемъ“. Критикъ называетъ себя поклонникомъ Гёте, но признаетъ его величіе тамъ, гдѣ онъ искрененъ. Глубокія слова:

„Keimt ein Glaube neu,
Wird auch Lieb, und Treu,
Wie ein böses Unkraut, ausgerafft“.

не соотвѣтствуютъ міросозерцанію древности „неспособнаго отрѣшиться отъ дѣйствительности“. Въ „Баядерѣ“—Гёте „не индеецъ—пантеистъ, а спинозистъ—кантіанецъ“. Въ „Лѣсномъ царѣ“, по его мнѣнію, сказы-

¹⁾ Отеч. зап. 1842 г. іюль, 5 стр. „Р. лит.“

²⁾ Нанис. въ 42 г.

³⁾ „Отеч. зап.“ 1842 г. Дек. въ отд. критики, стр. 66.

⁴⁾ Москвит. 1853 г. № 1.

вается германецъ—протестантъ и именно это замѣтно въ той ироніи по отношенію къ описаннымъ суевѣріямъ, которая придаетъ красоту этой балладѣ. „Ифигенія“ есть произведеніе наиболѣе прославляемое, но которую никто не читаетъ вслѣдствіе ея холодности; да истинный греческій духъ и не поддается опредѣленію. Въ „Римскихъ Элегіяхъ“ онъ находитъ напряженіе поэтическаго таланта подъ вліяніемъ напередъ заданной мысли, напередъ поставленной себѣ теоріи.

Такимъ образомъ у Бѣлинскаго въ его послѣднихъ статьяхъ и у А. Григорьева уже замѣтно не слѣпое поклоненіе Гёте, а уваженіе его таланту, основанное на близкомъ знакомствѣ съ его произведеніями, иногда съ рѣзкой критикой нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Лермонтовъ, на котораго въ лицѣ Гейне, Шиллера и Лессинга (сцена въ драмѣ: „Испанцы“, гдѣ еврей съ Ноэми, своей дочерью и старой служанкой—тѣ же лица, что и Натанъ Мудрый, его дочь и служанка) нѣмецкая поэзія, хотя и незначительно, оказала свое вліяніе, особенно въ юношескомъ возрастѣ, переводилъ изъ Гёте. (Горныя вершины“, переводъ въ черновыхъ тетрадяхъ, ¹⁾ эниграфомъ нѣкоторыхъ произведеній является часто отрывокъ стихотворенія Гёте; Печоринъ также его цитируетъ). Баратынскій „справилъ тризну“ по великомъ поэтѣ, главная роль въ „Русскихъ ночахъ“ кн. Одоевскаго отдана лицу, носящему имя Фауста. Поэты новѣйшаго времени уже не такъ имъ интересуются; Фетъ единственный писатель, ²⁾ на котораго, кромѣ римскихъ поэтовъ, оказалъ вліяніе и Гёте, какъ лирикъ; онъ перевелъ нѣсколько его стихотвореній; отъ него и отъ римлянъ онъ заимствовалъ свое воззрѣніе на искусство и отчасти приемы творчества. Такимъ образомъ авторитетъ Гёте падаетъ въ 50-хъ годахъ. Къ нему уже прилагается строгій критическій анализъ и высказываются довольно рѣзкія и подчасъ несправедливыя сужденія по тому или другому поводу. Наиболѣе яркіе его типы, которые и на Достоевскаго повліяли чарующимъ образомъ, продолжаютъ еще и теперь жить въ сознаніи общества, другіе же, если и не такъ популярны, то все еще служатъ предметомъ глубокаго изученія, какъ достоиніе всего мыслящаго человѣчества. ³⁾

¹⁾ См. соч. М. Ю. Лермонтова, изд. Рихтера, М. 1891 г. т. I, стр. 9.

²⁾ Проф. Кирпичниковъ полагаетъ, что Миньона Гёте оказала вліяніе на созданіе типа Нелли въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“ Достоевскаго. Къ этому характеру Достоевскій подходилъ еще въ „Неточкѣ Незвановой“ (отдѣльныя черты въ „Подросткѣ“ и „Братьяхъ Карамазовыхъ“ (Лиза Хохлакова).

А. Кирпичн.: „Очерки по ист. н. рус. литер.“.

³⁾ Въ сборникъ „Подъ знаменемъ науки“ въ честь проф. Стороженка помѣщена статья Калаша: „Русскія отношенія Гёте“, но она мало прибавляетъ къ сказанному

Римскія элегіи.

Элегія I-я. Здѣсь выражается любовная тоска поэта. Между всѣми созданіями чистаго искусства онъ чувствуетъ, что ему чего-то недостаетъ, недостаетъ всеоживляющаго духа, который представляется въ образѣ любимой женщины; поэту хотѣлось бы знать, въ какомъ мѣстѣ она явится ему. По этому поводу припоминаются слова Гёте въ „Правдѣ и поэзіи“, которыя онъ сказалъ при видѣ Страсбурга: „глазъ замѣчаетъ предметы только въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются намъ по первому впечатлѣнію. Страсти и влеченія не успѣли отмѣтить ни одного изъ нихъ особымъ знакомъ, но, тѣмъ немѣнѣе, вопросъ: что будетъ дальше?—уже начинаетъ беспокоить молодое сердце. Мы чувствуемъ въ тиши непреодолимое желаніе (въ подл. „Unbefriedigstes Bedürfniss“) узнать, что будетъ дальше, и знаемъ, что это будущее, каково бы оно ни было, хорошо или печально, набросить непременно свой характеръ на всю мѣстность, гдѣ мы живемъ“. ¹⁾ Скоро онъ будетъ не „разсудительный мужъ, ищущій пользы“, а истый поклонникъ Амура.

Элегію эту перевели: О. Миллеръ, В. Крестовскій и А. Струговщиковъ. Лучшій переводъ О. Миллера. Онъ букваленъ и вполне соответствуетъ нѣмецкому тексту. Если въ 8-й строкѣ онъ не передалъ одной фразы, то для смысла цѣлаго это небольшая неточность. ²⁾ В. Крестовскій переводитъ свободнѣе, и въ общемъ у него больше строкъ, чѣмъ у Гёте. Такъ, напр., слова, въ которыхъ поэтъ вспоминаетъ свою милую, онъ передаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Кто же мнѣ выскажетъ все? да и гдѣ и когда жъ я увижу
Чудное, полное чистыхъ, прекрасныхъ желаній созданье,
Подлѣ котораго я отдохнулъ бы усталой душой“.

У Гёте: „O, wer flüstert mir zu, an welchem fenster erblick'ich ³⁾
Einst das holde Geschöpf, das mich versengend erquicket“?

Остальное переведено точнѣе.

Переводъ А. Струговщикова написанъ красиво, и, собственно говоря, лучшій изъ его переводовъ прочихъ элегій. Онъ близокъ къ

нами. Мы не могли воспользоваться фактами, въ ней заключающимися, потому что она вышла спустя нѣсколько мѣсяцевъ по написаніи настоящаго сочиненія.

¹⁾ „Соч. Гёте“ изд. подъ ред. Вейнб. 2-е, 1895 г. т. VIII, стр. 222.

²⁾ „Opfre die Köstliche Zeit“.

³⁾ Въ первомъ случаѣ не переведенъ образъ, въ другомъ—въ него внесены лишнія черты въ сравненіи съ нѣмецкимъ текстомъ.

тексту, хотя нѣкоторые слова замѣнены другими. Такъ „Strassen“— у него „капища“, „святой Римъ“—у него „вѣковѣчный Римъ“. Хотя онъ и не такъ педантично придерживается текста, какъ Ө. Миллеръ, педантизмъ котораго не имѣлъ вліянія на изящество выраженія и отдѣлки, все таки его переводъ передаетъ красоту и духъ подлинника.

II. Необходимо прибавить нѣсколько словъ къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя находятся у Вейнберга. Замѣчено уже, что недовольство существующими порядками въ Европѣ, политическія мнѣнія, которыя преслѣдуютъ поэта, все это вызвано событіями 1789 г. Но болѣе, вѣроятно, здѣсь играло роль то затруднительное положеніе, въ которое попалъ Гёте по возвращеніи изъ Италіи. Онъ вернулся значительно измѣнившимся человекомъ, тогда какъ въ Веймарѣ все осталось по прежнему. Тѣ же рѣчи, тѣ же разговоры встрѣтили путешественника; друзья не понимали его. Къ тому же склонность къ г-жѣ Ф. Штейнъ значительно охладилась и его постоянныя сожалѣнія объ Италіи были ей непріятны, такъ какъ она видѣла въ нихъ измѣну его прежнимъ отношеніямъ къ ней. Все это вмѣстѣ вызвало въ немъ то недовольство окружающимъ, которое онъ высказываетъ въ началѣ элегіи.

Перевода два: Ө. Миллера и А. Струговщикова. Ө. Миллеръ перевелъ эту элегію не такъ удачно, какъ первую. Здѣсь много недосмотровъ и пропусковъ. Такъ „Traurige Spiel“ знатныхъ дамъ и кавалеровъ онъ называетъ „картами“. Фразу, въ которой поэтъ жалуется на пустоту время препровожденія высшаго класса:

„Wiederholet, politisch und zwecklos, jegliche Meinung,
Die den Wandrer mit Wuth über Europa verfolgt“,

онъ переводитъ такимъ образомъ:

„Модныя мнѣнія свои повторяйте: я ихъ не услышу,

Пусть съ быстротою они міръ облетаютъ земной!“

Эти мнѣнія точно охарактеризованы у Гёте („politisch und zwecklos“); кромѣ того „они съ яростью преслѣдуютъ путника по Европѣ“. У Ө. Миллера: „съ быстротой“.

Далѣе у Ө. Миллера:

„И мнѣ приходилось слушать

Разныя рѣчи про все: про короля, про народъ.

У Гёте ясно сказано, какія это рѣчи:

„Und so müsst' ich bis jetzt auf allen Schritten und Tritten
Schelten hören das Volk, schelten der Könige Rath“.

т. е. „И такъ я долженъ до сихъ поръ слушать на всѣхъ путяхъ,
Какъ бранятъ народъ, бранятъ совѣтъ королей“.

Рѣчи эти бранныя. Отъ всего, что ему неприятно, поэтъ убѣгаетъ;
его укрываетъ Амуръ:

Nun entdeckt ihr mich nicht so bald in meinem Asyle,

Das mir *Amor der Fürst, königlich* schützend, verlieh“.

т. е. Теперь вы меня не такъ скоро откроете въ моемъ убѣжищѣ, ко-
торое даровалъ мнѣ Амуръ, ограждая меня по царски“.

Ө. Миллеръ переводитъ:

„Но ужъ теперь отыскать меня въ этомъ убѣжищѣ трудно,

Самъ благосклонный Амуръ здѣсь насъ отъ міра укрылъ“.

У Гёте Амуръ не только благосклоненъ, но онъ „король“, который
„по царски“ укрываетъ его отъ свѣта.

Послѣдняя фраза:

„Mutter und Tochter erfreun sich ihres nordischen Gastes,

Und der Barbare beherrscht Römischen Busen und Leib“.

переведена:

„Дочери, такъ какъ и матери, сѣверный гость ихъ пріятель:

Сердцемъ римлянки вполне варваръ теперь овладѣлъ“.

Изъ сравненія перевода съ подлинникомъ видно, что эти строки
у Ө. Миллера слабы и смыслъ ихъ смягченъ. Такимъ образомъ въ
переводѣ, хотя въ общемъ и буквальномъ, есть мѣста, смыслъ кото-
рыхъ измѣненъ, есть пропускъ (начало 39-го стиха: „Besser ist ihr
Tisch nun bestellt“).

Переводъ А. Струговщикова очень воленъ, но смыслъ вездѣ пе-
реданъ вѣрно; въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше перевода Ө. Мил-
лера. Такъ напр, Амуръ у него, какъ и у Гёте „князь“ и принимаетъ
поэта „въ княжескомъ домѣ“. Какъ замѣчено выше, поэтъ слышалъ въ
своемъ отечествѣ дурныя рѣчи не только про народъ, но и про лицъ
высокопоставленныхъ (d. „Könige Rath“—„совѣтъ короля“); ихъ часто
бранили политики. А. Струговщиковъ передалъ это удачно.

6 послѣднихъ строкъ, гдѣ говорится про щедрость варвара, по-
павшаго въ Римъ, про экипажи, про платья, которыя онъ даритъ своей
милой, про любовь, которую онъ заслужилъ среди чужестранокъ („До-
чери, такъ какъ и матери сѣверный гость ихъ пріятель“), переведены
двумя:

„Нѣтъ ей отказа ни въ чемъ. Рада Римлянка полярному

Гостю; а онъ, варваръ, полный ея властелинъ!“

Въ переводѣ нѣтъ невѣрно переданной мысли, хотя онъ и воленъ.

III. Здѣсь поэтъ въ доказательство того, что въ быстромъ рѣшеніи возлюбленной отдаться ему нѣтъ ничего постыднаго, указываетъ на примѣръ древнихъ боговъ и богинь, которые любили и были любимы. Отъ Реи Сильвіи (о томъ, что она была весталкой, не упоминается) и Марса родились даже основатели Рима. Никакого ученаго педантизма не замѣтно въ отношеніи Гёте къ античнымъ сагамъ и всѣ образы боговъ представляются намъ при истинномъ свѣтѣ искусства. Античный образъ мыслей замѣтенъ на каждомъ шагѣ. Христіанскій Римъ ступевывается передъ древнимъ.

Лучшій переводъ В. Крестовскаго. Онъ буквваленъ почти во всѣхъ своихъ частяхъ и изящно написанъ. Переводъ Н. Гербеля не такъ вѣренъ тексту, какъ В. Крестовскаго, хотя и напечатанъ въ последнемъ изданіи соч. Гёте.

Такъ у Гёте сказано:

„Glaubst du, es habe sich lange die Göttin der Liebe besonnen,
Als un Jdaischen Hain einst ihr Anchises gefiel?
Hätte Zuna gesäumt, den schönen Schläfer zu küssen,
O, so hätt ihn geschwind, neidend, Aurora geweckt“.

т. е. „Думаешь, долго размышляла богиня Любви,
когда встрѣтила однажды Анхиза въ чащѣ Иды?

Еслибы Луна замедлила поцѣловать красиваго спящаго, о, тогда Аврора, завидуя, быстро разбудила бы его“.

У Гербеля переведено:

„Думаешь, милая, долго богиня Любви размышляла,
Встрѣтивъ Анхиза въ лѣсу? Если бы только луна
Въ рошѣ успѣла сонливца своимъ наградить поцѣлуемъ,
Тотчасъ Аврора его сжала бы въ объятіяхъ своихъ“.

У В. Крестовскаго двѣ послѣдніе строки переведены такимъ образомъ:

И если-бъ

*(„Внору луна не постыла, ильнуя, прильнуть къ его ируди,
Стыжно Анхиза тогда для себя разбудила-бъ Аврора“).*

В. Крестовскій переводитъ ближе къ тексту (у Н. Гербеля мысль противоположна мысли подлинника), но у него Луна плѣнилась Анхизомъ, тогда какъ здѣсь имѣется въ виду, пастухъ Эндиміонъ, котораго она усыпила на горѣ Латмусѣ.

Ясно и безъ пропусковъ у В. Крестовскаго передано слѣдующее мѣсто:

„Hero erblickte Leandern am lauten Fest, und behende
Stürzte der Liebende sich heiss in die nächtliche Fluth“.
т. е. „Геро на шумномъ пиру увидала Леандра и тотчасъ
Кинулся въ темная волны горячій прекрасный любовникъ“.
(перев. В. Крестовскаго).

У Н. Гербеля;
„Въ полдень встрѣтилась Геро съ Леандромъ и въ полночь ужъ мчался
Онъ по волнамъ—и подъ нимъ грозно шумѣлъ Геллеспонтъ“.

Подчеркнутыхъ выражений не достаесть въ переводѣ. Рея Сильвія
у Гёте называется: „die fürstliche Jungfrau“; у Крестовскаго: „дѣва—
владычица“, у Гербеля просто: владычица“.

Переводъ А. Струговщикова свободенъ во многихъ мѣстахъ, не
достаесть многихъ образовъ, которые у Гёте удачно отбѣняютъ ту или
другую мысль или картину, но какъ стихотвореніе безъ отношенія къ
подлиннику, его можно прочесть съ удовольствіемъ.

VI. Всякій долженъ пользоваться случаемъ къ наслажденію. Въ
богинѣ, явившейся къ поэту, онъ запечатлѣваетъ образъ своей возлюб-
ленной, который витаетъ передъ нимъ (можетъ быть Х. Вулпиусъ).

Переводъ Θ. Миллера даетъ полное представленіе объ этой элегіи.
Онъ точенъ, вѣренъ тексту во всѣхъ своихъ частяхъ, красиво напи-
санъ и прекрасно передаетъ духъ подлинника. (Не переведенъ вполнѣ
71-й ст.; почитаніе богини случайности настолько необходимо поэту,
что онъ желалъ бы лучше страдать отъ Зевесова гнѣва на скалѣ или
„am Rollenden Rad“, чѣмъ отказаться отъ ея почитанія. У Θ. Миллера
страданіе ограничивается одною скалою).

Переводъ А. Струговщикова свободенъ и воленъ; собственно его
нельзя назвать переводомъ, а скорѣе подражаніемъ (многіе мѣста со-
всѣмъ остались безъ перевода; см. „стих. А. Струговщикова“, изд. 1845 г.).

V. Эту элегію можно поставить въ *pedant* къ первой. Тамъ поэтъ
томится страстью, жаждетъ вдохновенія, здѣсь онъ находитъ его. Римъ
для него получилъ теперь жизнь. Днемъ онъ изучаетъ творенія древ-
нихъ, ночью наслаждается любовью съ своей милой, но даже и тогда,
когда она уснетъ, онъ не теряетъ времени даромъ, а сочиняетъ стихи,
выбивая на ея плечѣ гексаметры. Затѣмъ снова является Амуръ. (На
помощь влюбленнымъ онъ приходитъ также и въ стихотвореніи: „Bra-
utnacht“.

„Schnell hilft ihr Amor sie entkleiden,
Und ist doch nicht zu schnell als du,
Dann hält er schalkhaft und bescheiden
Sich fest die beiden Augen zu“.

Въ элеріи говорится:

„Amor schüret die Lampe indess und denket die Zeiten
Da er denn nämlichen Dienst seinen Triumviren gethau“.

Эту элерію очень удачно перевелъ А. Яхонтовъ. Переводъ его букваленъ и красиво написанъ. В. Крестовскій также переводитъ по большей части буквально. Плохо переведено то мѣсто, гдѣ поэтъ говоритъ о „милой груди“ своей возлюбленной, во вторыхъ слѣдующія заключительныя слова:

У Гёте:

„Sie athmet in lieblichem Schlummer,
Und es durchglüheth ihr Hauch mir bis ins Tiefste die Brust
Amor schüret die Lamp'indess und denket der Zeiten,
Da er denn nämlichen Dienst seinen Friumviren gethan“.

т. е. „Она дышетъ въ пріятной дремотѣ, и ея дыханіе проникаетъ мнѣ до глубины груди. Амуръ возбуждаетъ между тѣмъ лампаду и думаетъ о временахъ, когда онъ подобную услугу оказывалъ своимъ триумвирамъ“.

У В. Крестовскаго.

„Она дышетъ въ пріятной дремотѣ,
Жаркимъ дыханьемъ своимъ глубоко распалая мнѣ сердце.
Страсть сожигаетъ меня и спѣшу насладиться я съ нею.
Пламя любви раздуваетъ Эротъ намъ все больше и больше,
И вспоминаетъ тотъ мигъ, когда оказалъ намъ услугу
Онъ и себѣ торжество вмѣстѣ съ нами устроилъ счастливцевъ“.

Переводъ слишкомъ воленъ и многословенъ.

У А. Струговщикова вначалѣ переводъ близокъ къ тексту, середина же и конецъ представляютъ передѣлку соответствующихъ стиховъ у Гёте или варіацію на одну и ту же тему съ нимъ. Отсюда много неточностей (напр. лампада не пламенѣетъ, а гаснетъ и т. п.).

VI. Влюбленный, являясь на свиданіе, часто въ шутку одѣвалъ на себя духовный костюмъ, и тѣмъ подавалъ другимъ поводъ подозревать милую въ общеніи съ духовнымъ лицомъ. Когда толки объ этомъ дошли до его слуха, онъ, не подозрѣвая, что одинъ былъ причиною

подобныхъ сплетенъ, упрекаетъ ее въ невѣрности. Недоразумѣніе выясняется, мрачныя мысли отлетаютъ отъ него и снова вспыхиваетъ любовь еще чище и яснѣе.

Фальконьери, происходя изъ знатной фамиліи, былъ извѣстенъ своимъ порочнымъ поведеніемъ. Кардиналъ Джіованни Франческо Альбани умеръ въ 1803 г. Городокъ Остія лежитъ у развалинъ древняго города, около двухъ миль отъ моря: въ немъ находится епископскій дворецъ. Четыре колодца (Quattrofontane)—оживленное мѣсто, гдѣ происходитъ публичная игра въ мячъ.

Переводъ В. Крестовскаго точенъ и удачно передаетъ духъ стихотворенія. Отступленія отъ текста замѣчаются въ передачѣ слѣдующаго мѣста:

У Гёте сказано:

„Falkonieri hat mir oft in die Augen gegafft,
Und ein Kuppler Albani's mich, mit gewichtigen Zetteln
Bald nach Ostia, bald nach den vier Brunnen gelockt“.
Aber wer nicht Kam war das Mädchen. So hab'ich von Hergen
Rothstrumpf immer gehasst und Violetstrumpf dazu.
Denn „ihr Mädchen bleibt am Ende doch die Betrognen,
Sagte der Vater, wenn auch leiehter die Mütter es nahm.

т. е. „Часто глядѣлъ мнѣ въ глаза Фальконьери и сводникъ Альбани въ напыщенной запискѣ заманивалъ меня то къ Остіи, то къ *четыремъ колодцамъ*. Но кто не приходилъ, была *дѣвушка*. Такъ я отъ всего сердца ненавидѣла всегда (собств.) *красный чулокъ и фіолетовый*. Потому что отецъ говорилъ: „вы, дѣвушки, въ концѣ всегда остаетесь въ обманѣ“, тогда какъ мать относилась къ этому легче“.

У В. Крестовскаго переведено:

„Часто глазѣлъ на меня Фальконьери,
Сводникъ Альбани не разъ въ напыщенной пѣжной запискѣ,
Къ Остіи въ полночь придти меня вызывалъ на свиданье.
Такъ всѣ мушины искали меня, а дѣвицы чуждались.
Въ сердцѣ-жъ всегда ненавидѣла я *кардинала съ прелатомъ*
„Дѣвушки, вы черезъ страсти всегда подъ конецъ ужъ въ обманѣ,
Разъ мнѣ отецъ мой сказалъ, хотъ мать приняла это легче“.

Подчеркнутыя слова пропущены въ переводѣ; вмѣсто нихъ переводчикъ вставилъ свои. Кромѣ того духовнымъ лицамъ у Гёте дается названіе сообразно тому, какое платье носить каждый изъ нихъ, у В. Крестовскаго они называются собственными именами. ¹⁾

¹⁾ Отрывокъ заимствованъ изъ той редакціи этой элегіи, которая помѣщена въ отдѣльномъ изданіи: „Стихотвореній В. Крестовскаго“ 1862 г. Въ перепечаткѣ въ

Переводъ А. Струговщикова воленъ, но общій смыслъ переданъ вѣрно.

VII. Увѣренность въ неизмѣнности любви милой наполняетъ душу поэта восторгомъ. На высотѣ Капитолійскаго холма, у подножія стоявшаго здѣсь храма Юпитера, онъ до того погружается въ воспоминанія, что воображаетъ себя перенесеннымъ на Олимпъ и когда пробуждается отъ мечтаній, то высказываетъ желаніе остаться здѣсь навсегда. Къ тому же природа божественна. Любовь опять освѣтила въ это время жизнь Гёте и онъ часто вспоминаетъ о прекрасномъ голубомъ небѣ Италіи. Такъ онъ пишетъ 19 ф.: „небо—какъ свѣтло-голубая матерія, озаренная солнцемъ“. 30-го іюня: „Мѣсячныя ночи невѣроятно прекрасны; въ началѣ ночь, прежде, чѣмъ мѣсяцъ пробьется сквозь туманъ, совершенно желта и тепла, come il sole d'Inghilterra, остальная часть ночи ясна и весела“, иногда слышатся дуэты, такіе прекрасные, какъ въ оперѣ или въ концертѣ“. Поэтъ молить Юпитера, какъ Ксенія (гостепріимнаго) не отказать ему въ помощи и очагѣ, и Гермеса, который провожаетъ души усоншихъ въ Оркъ пусть и его душу доставитъ въ подземный міръ (входъ въ Аидъ предполагается у пирамиды Цестія, такъ какъ древніе намѣчали для этого различные мѣста, особенно часто Тенарусъ).

Эту элегію перевели Θ. Миллеръ и А. Струговщиковъ. Переводъ Θ. Миллера одинъ изъ лучшихъ его переводовъ и вообще переводовъ Гёте; переводъ А. Струговщикова воленъ, но въ немъ онъ не даетъ своей фантазіи такой воли, какъ въ другихъ элегіяхъ, а переводитъ ближе къ тексту. Но и здѣсь есть мѣста, которые остались безъ перевода: таковы напр. тѣ строки, гдѣ говорится о фортунахъ и слѣдующія за ними 2 строки.

послѣднемъ изданіи соч. Гёте Н. Гербеля подъ ред. Вейнберга (т. I.) послѣднія двѣ строки читаются такимъ образомъ:

„Дѣвушки, вы черезъ страсти *бываете вѣчно въ обманѣ*.

Разъ мнѣ отецъ мой сказалъ; *что жъ до матери та промолчала*“.

Измѣненіе въ этомъ случаѣ нельзя назвать удачнымъ и оправдать стремленіемъ къ вѣрности подлинника, потому что именно это измѣненіе не такъ удачно передаетъ его, какъ стихи, приведенные выше. Немного измѣнены и послѣднія 4 строки.

VIII. Сравненіе милой съ виноградной лозой (у Гёте въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о Христіанѣ Вульпіусѣ), употребляетъ Гораций въ 5-й одѣ II-й книги.

Лучшій переводъ Н. Гербеля. Онъ вѣрно передаетъ нѣмецкій текстъ. Почти точно также (немного вольнѣе) перевелъ и В. Крестовскій. Дальше всѣхъ отъ подлинника переводъ А. Струговщикова, но и здѣсь всѣ мысли стихотворенія переданы вѣрно.

IX. Любимая дѣвушка всегда доставляетъ радость поэту. Если ея нѣтъ онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ ея прихода, затѣмъ наслаждается любовью; утромъ она хлопочетъ, а онъ смотритъ на нее.

Лучше всѣхъ перевелъ эту элегію Н. Гербель; но и переводы В. Крестовскаго и А. Струговщикова почти одинаковаго достоинства съ его переводомъ. В. Крестовскій первую строку стихотворенія переводитъ отлично отъ прочихъ. Такъ у Гёте сказано:

„Herbstlich leuchtet die Flamme vom landlich geselligen Herde“.

У В. Крестовскаго:

„Пасмурно пламя горитъ въ деревенскомъ уютномъ каминѣ“.

У Н. Гербеля:

„Весело осенью пламя въ каминѣ уютномъ пылаетъ“.

У А. Струговщикова:

„Славно горитъ огонекъ въ сельскомъ уютномъ каминѣ“.

Огонь горитъ „по осеннему (Herbstlich)“ и это не значитъ, что онъ не даетъ свѣта, наоборотъ, осенью то и укрываются отъ ненастной погоды у весело пылающаго камелька. Н. Гербель и А. Струговщиковъ такъ и поняли.

X. Мы должны ловить наслажденія любви, пока не отошли туда, гдѣ ихъ ни за что не получишь. Мы будемъ похожи на героевъ, которые уже въ вѣчности. Подобное сравненіе находится въ 7-й одѣ IV-й книги Горация, гдѣ онъ въ подобномъ случаѣ называетъ Энея и двухъ римскихъ королей. Фридрихъ Великій сказалъ Вольтеру (9 окт. 1757 г.): „un instant de bonheur vaut mille ans dans l'histoire“. Гёте, конечно, зналъ объ этомъ и можетъ быть на этомъ основаніи построилъ всю пьесу.

Лучшій переводъ Н. Гербеля. А. Струговщиковъ переводитъ вольно и не упоминаетъ славныхъ именъ Цезаря, Генриха и Фридриха, а просто говоритъ: „многіе“. Переводъ В. Крестовскаго ближе къ тексту, но также не буквальный.

XI. Поэтъ разсуждаетъ о поэтическихъ созданіяхъ, которыя принесла ему любовь, розы—ея олицетвореніе. Удивительно тонко обрисованы боги, наполняющіе мастерскую—Пантеонъ художника. На Венерѣ поэтъ останавливаетъ свои взоры долѣе, чѣмъ на другихъ, но заставляетъ ее обращать свои влажные отъ страсти взоры не на Марса, а на Бахуса.

Переводъ Н. Гербеля лучше другихъ, но все же не всѣ стихи переведены точно. Такъ про Гермеса, находящагося въ мастерской художника, сказано у Гёте:

„Trocken schauet Minerva herab, und Hermes, der Leichte,
Wendet zur Seite den Blick schalkisch und zärtlich zugleich“.

т. е. „Угрюмо смотреть внизъ Минерва, и легкій

Гермесъ обращаетъ свой взоръ въ сторону, хитрый, но вмѣстѣ и нѣжный“.

Н. Гербель переводитъ:

„Непривѣтливо смотреть Минерва,
Гермеса взявъ воровской бродитъ лукаво вокруг“.

Здѣсь античный образъ рисуется въ немногихъ словахъ, и каждый пропускъ имѣетъ большое значеніе, такъ какъ отнимаетъ какую-нибудь черту, его характеризующую. Не лучше переведены стихи, гдѣ говоритъ о Венерѣ:

„Seiner Umarmung gedenket sie gern und scheint zu fragen:
Sollte der herrliche Sohn uns an der Seite nicht stehn“.

т. е. „О ея (Бахуса) объятіяхъ она мечтаетъ охотно и какъ-будто спрашиваетъ: „не долженъ ли чудесный сынъ нашъ стать рядомъ съ нами?“.

У Гербеля;

„(Цитера) точно стора, желаетъ промолвить:

Развѣ не долженъ нашъ сынъ здѣсь между нами стоять?“

Подчеркнутой фразы не достааетъ въ переводѣ (можетъ быть ей соотвѣтствуютъ слова: „точно стора“). Вообще достоинство этой элегіи заключается не въ какой-нибудь глубинѣ содержанія, а именно въ яркости поэтическихъ представленій и силѣ выраженія. Поэтому при ея переводѣ болѣе, чѣмъ при переводѣ другихъ, слѣдуетъ обращать вниманіе на буквальную передачу текста, если только это возможно по спеціальнымъ условіямъ языка. Съ этой точки зрѣнія переводъ А. Струвицкикова стоитъ выше перевода Гербеля. Хотя онъ и вольнѣ послѣдняго, но всякій образъ является здѣсь въ такомъ же точно видѣ, какъ и у Гёте. Переводъ не оконченъ: нѣтъ обращенія къ поэту.

У В. Крестовскаго неудачно переведены строки, гдѣ говорится о Венерѣ и Бахусѣ:

„Aber nach Bachus dem Weichen, dem Träumenden, hebet Cythere
Blicke süßer Begier, selbst in dem marmor noch feucht“.

Крестовскій переводить:

„Бахусъ же слабый и дрѣмный, съ Цитерой подняли

Взоръ сладострастный къ поэту, влажный и въ мраморѣ самомъ“.

а буквально:

„Но къ Бахусу, мягкому, (сонливому) ¹⁾ Цитера поднимаетъ взоръ нѣжной страсти еще влажный въ самомъ мраморѣ.

Въ общемъ переводъ В. Крестовскаго не отличается большими достоинствами и въ другихъ своихъ частяхъ.

XII. Таинство древнихъ мистерій Гёте узналъ изъ книги St. Croix (1874): „sur les mistères“. Переводъ И. Тургенева совершенно букваленъ и вѣренъ тексту. Только одно мѣсто переведено не такъ удачно, какъ остальные стихи.

У Гёте сказано:

„Und was war das Geheimniss? als dass Demeter, die Grosse,
Sich gefällig einmal auch einem Helden bequemt,

Als sie dem Iasion einst, dem rüstigen König der Kreter,

Jhres unsterblichen Leibs holdes Verborgene gönnt“.

т. е. „И что это была за тайна? что великая Деметра однажды обходитъ съ героемъ, какъ однажды уступила пріятную скрытность ²⁾ своего безсмертнаго тѣла Язіону, сильному критскому царю“.

У И. Тургенева.

„Тайну по тайну какую? Не ту ли, что тѣсныхъ объятій

Сильнаго смертнаго ты, мать Церера, сама

Разъ пожелала, когда свое безсмертное тѣло

Все Язіону царю ласково ты предала.

Нѣкоторая эротичность въ данномъ случаѣ смягчена въ переводѣ.

Переводъ А. Струговщикова воленъ, хотя не настолько, насколько многіе другіе переводы его же. (Если бы не было перевода Тургенева, можно было бы читать его. Онъ не конченъ и послѣднія двѣ строки переведены одной).

¹⁾ Мечтательному.

²⁾ Или: „милую тайну“.

У Гёте:

„Iene buschige Myrte beschattet ein heiliges Plätzchen;
Unsre Zufriedenheit bringt keine Gefahr der Welt“.

У Струговщикова:

„Этотъ развѣсистый миртъ“

XIII. Нѣтъ необходимости излагать ея содержаніе; упомянемъ только, что то мѣсто, гдѣ Гёте говоритъ о Тезеѣ и Ариаднѣ, имѣетъ сходство съ началомъ 3-й элегіи Проперція.

Переводъ Н. Холодовскаго одинъ изъ лучшихъ переводовъ „Римскихъ элегій“. Только въ послѣднихъ 15-ти строкахъ пропущено нѣсколько словъ и выраженій, но это не вредитъ ни смыслу ни красотѣ элегіи.

XIV. Лучшій переводъ В. Крестовскаго. Онъ ясно и точно передаетъ нѣмецкій текстъ. Переводъ Н. Гербеля не такъ удаченъ. Тѣ стихи, гдѣ мальчикъ совѣтуетъ поэту обождать съ приготовленіями къ ночи, онъ переводитъ:

„ Взгляните—

Ставни закрыты повсюду, и солнышко только-что скрылось

Не за горой—за стѣной. Надо еще подождать“.

Тогда какъ у Гёте сказано:

„Schliesset die Läden doch nicht.

Hinter die Häuser entwich, nicht hinter den Berg, uns die Sonne!

Ein halb Stündchen noch währt's bis zum Geläute der Nacht“

т. е.

„Пусть ставни побудутъ открыты!

Солнце еще вѣдь не сѣло, а только скрылось за домомъ;

Съ полчаса еще будетъ до вечерняго звона“.

(пер. В. Крестовскаго).

Такимъ образомъ неудачно переведены 3 строки, а ихъ всего 6 во всей элегіи. Кромѣ того противорѣчіе въ переводѣ оказывается даже безъ отношенія его къ нѣмецкому тексту.

XV. Поэтъ встрѣчаетъ въ тавернѣ свою возлюбленную, которая назначаетъ ему свиданіе; съ нетерпѣніемъ онъ ожидаетъ ее и проситъ солнце поскорѣе погрузиться въ океанъ, все озаривъ яркими лучами (слѣдуетъ описаніе Рима), на утро встать пораньше. Элегія начинается съ восхваленія юга, хотя и не скрываются его недостатки. Вотъ образецъ:

Поэтъ Флоръ пишетъ императору Адріану:

„Никогда я не желалъ-бы быть императоромъ,
Блуждать въ Британніи,
Выносить снѣга и иней Скиѳіи“.

На что Адріанъ возражаетъ:

„Никогда не хотѣлъ-бы я быть Флоромъ,
Странствовать по кабакамъ,
Скрываться въ харчевняхъ,
Сносить жирныхъ блохъ“.

Шинки въ Римѣ называются Остеріями (отъ Oste-хозяинъ, трактирщикъ). Одну изъ нихъ посѣщалъ Гёте во время своего пребыванія въ Римѣ (Osteria Campanella у театра Марцелла), гдѣ преимущественно собирались нѣмцы; она извѣстна подъ именемъ „погребка Гёте“. Описывая Римъ, онъ говоритъ о первыхъ временахъ его, когда городъ стоялъ на берегу Тибра и не было недостатка въ разбойникахъ, о чемъ насмѣшливо говоритъ Ювеналъ въ концѣ 8-й сатиры, далѣе приводится мнѣніе Горация о Римѣ. Сначала, по совѣту филолога Гётлинга Гёте вмѣсто Горация назвалъ Проперція (въ изд. 1829 г.), но затѣмъ, на основаніи другихъ данныхъ (см. Lesarten къ XVI элегии въ I кн. вейм. изд.), возстановилъ первую редакцію.

Переводъ Н. Холодковского точенъ, почти во всѣхъ своихъ частяхъ букваленъ и написанъ изящнымъ языкомъ. Если и есть фразы, въ которыхъ переданъ только смыслъ, то это не умаляетъ его достоинства, такъ какъ нѣмецкая фраза вполне замѣняется русской (только во второй строкѣ ничего не говорится о „Флорѣ“), Гораций названъ не „жрецомъ Рима“, а „вдохновеннымъ поэтомъ“.

Переводъ А. Струговщикова—вольная передача той-же элегии.

XVI. Ее можно назвать продолженіемъ XV-й, хотя и говорится о другомъ свиданіи.

Переводъ Н. Гербеля слабѣе перевода В. Крестовскаго. Послѣдній удачно передаетъ оттѣнки мысли поэта (но у него 12 строкъ вмѣсто 10).

Отвѣтъ поэта на упреки возлюбленной въ неисполненіи обѣщанія прити на свиданіе Гербель переводить такимъ образомъ:

„Милая, я приходилъ, да подъ горкою встрѣтился съ дѣдомъ,
Что то работалъ онъ тамъ. Я посмотрѣлъ и ушелъ“.

У Гёте же сказано:

„Beste, schon war ich hinein; da sah ich zum Glücke den Oheim
Neben den Stöcken bemüht hin sich und her zu drehn.
Schleichend eilt'ich hinaus!“

т. е.

„Милая я уже былъ въ немъ, да къ счастью увидѣлъ дядю
Около тычинъ, который хлопоталъ и суетился.
Крадучись я удалился (убѣжалъ)“.

У Гербеля не переданъ испугъ влюбленного и таинственность его бѣгства, о чемъ ясно говорится у В. Крестовскаго и Струговщикова, переводъ котораго также близокъ къ тексту, какъ и переводъ Крестовскаго.

XVII. Большой разницы между переводами Гербеля и Струговщикова установить нельзя, развѣ что у перваго ближе къ тексту, чѣмъ у втораго. Переводъ В. Крестовскаго вольнѣе.

XVIII. Лучшій переводъ В. Крестовскаго. Только одно мѣсто переведено свободно (но мысль не измѣнена); именно то, въ которомъ говорится о ночной тревогѣ дѣвушки. Всѣ же остальные стихи переведены буквально и точно. Переводъ Н. Гербеля менѣе удаченъ. Такъ поэту многое доставляетъ неудовольствіе, „empört jegliche Faser in mir“, говоритъ онъ. Гербель переводитъ менѣе сильно: „при одной мысли кровь начинаетъ кипѣть“ (вм. „возмущаетъ каждую жилку во мнѣ“) ¹⁾.

Далѣе у Гёте:

Reizendes Hinderniss will die rasche Jugend; ich liebe,
Mich des versicherten Guts lange bequem zu erfreun.
Welche Seligkeit ist's! wir wechseln sicherre Küsse,
Athem und Leben getrost saugen und flössen wir ein.
So erfreuen wir uns der langen Nächte, wir lauschen,
Busen an Busen gedrängt, Stürmen und Regen und Guss.

¹⁾ Буквально переводитъ и В. Крестовскій.

т. е. „Быстрая юность требуетъ привлекательныхъ препятствій: я люблю долго и спокойно наслаждаться обезпеченнымъ благомъ. Какое блаженство! Мы обмѣниваемся нѣжными поцѣлуями, бодро вливаемъ въ другъ друга дыханье и жизнь и пьемъ ихъ. Такъ наслаждаемся мы долгою ночью, прислушиваемся, грудь къ груди прижавшись, къ бурямъ, дождю и грозѣ“.

Гербель же переводить:

„Юность торопится—любить поспѣшность; я жъ наслаждаться.

Благомъ, ниспосланнымъ мнѣ, долго и мирно люблю.

Такъ наслаждаемся мы подъ покровомъ таинственной ночи,

Грудью прижавшись къ груди, внемлемъ грозѣ и дождю“.

Переводъ совершенно бездѣтенъ въ сравненіи съ подлинникомъ, двѣ строки остались совсѣмъ безъ перевода, и хотя въ первой строкѣ и 2-хъ послѣднихъ мысль передана вѣрно, но какая разница въ силѣ и богатствѣ выраженія у Гёте и Гербеля. Что подобные стихи возможно перевести буквально и точно, это доказываютъ многіе разобранные переводы другихъ „Римскихъ элегій“, да и Крестовскій переводить ихъ совершенно буквально и не насилуя русскаго языка.

XIX. Слава и любовь борются между собою. Тайна любви поэта извѣстна въ городѣ, но онъ утѣшаетъ себя тою мыслью, что Амуръ всегда съумѣетъ перехитрить сильныхъ героевъ, такъ что и ему нечего стыдиться. Въ доказательство этого положенія онъ приводитъ античную легенду, основу которой онъ заимствовалъ изъ Одиссеи. Какъ греки подъ Троей платили дань гнѣву Агамемнона и Ахилла, точно также и влюбленные должны искупить гнѣвъ Славы.

Переводъ Н. Холодковского въ общемъ удаченъ; если многіе мѣста и переведены вольно, то смыслъ ихъ переданъ вѣрно. Не будемъ приводить подобныхъ стиховъ, а упомянемъ о двухъ выраженіяхъ, которыя остались безъ перевода, но характерныхъ въ античной легендѣ.

Такъ у Гёте Геркулесъ „взираетъ на могучія колѣна“ („schaue nach mächtigen Knieen“) Зевса, у Холодковского „умоляетъ“ его, хотя и въ подлинникѣ и въ переводѣ смыслъ одинъ и тотъ же. Въ другомъ мѣстѣ Слава, замѣтивъ героя въ странномъ одѣяніи, говоритъ: „это трагедіи надсмѣхаются надъ нами“ („er haben Tragöden uns zum Besten“). Эти слова въ переводѣ пропущены.

Если такіе недостатки встрѣчаются часто, то какъ-бы ни былъ вѣрно переданъ смыслъ, все таки переводъ нельзя признать удачнымъ.

Особенно точно передавать выраженія подлинника необходимо въ стихотвореніяхъ, отмѣченныхъ колоритомъ мѣста или эпохи.

Переводъ А. Струговщикова воленъ и важенъ только, какъ первый по времени.

XX. Н. Гербель слабо перевелъ центральное мѣсто элегіи, легенду о царѣ Мидасѣ.

У Гёте говорится:

„Ach, schon wird es So schwer der Könige Schande verbergen!
Weder die Krone bedeckt, weder ein phrygischer Bund
Midas verlängertes Ohr; der nächste Diener entdecktes,
Und ihm ängstet und drückt gleich das Geheimniss die Brust“.

т. е. „Ахъ какъ тяжело скрывать королевскій позоръ. Ни корона, ни фригійская повязка не скрываетъ длинныя уши Мидаса; приближенный открываетъ ихъ и тотчасъ мучить его и давить грудь ему тайна“.

У Гербеля:

„Трудно хранить нерушимо въ груди своей царскія тайны!
Какъ ни скрывалъ царь Мидасъ длинныя уши свои,
Все же ихъ кто то подмѣтилъ и мучимый страшною тайной,
Долго не зналъ, какъ ему съ ней подѣлиться и съ кѣмъ“.

Ни о коронѣ, ни о фригійской повязкѣ переводчикъ не упоминаетъ; неизвѣстно также, кто подмѣтилъ странное украшеніе царя.

Кромѣ того есть еще нѣсколько стиховъ, которые переведены не совсѣмъ точно. Переводъ А. Струговщикова воленъ.

Я не могъ познакомиться съ переводами: шестой элегіи Кукольника („Къ Италлу—пѣснопѣвцу“, шестая „Римская элегія“ Гёте; Альманахъ на 1835 г. стр. 305); пятой, за подписью ** (одна изъ „Римскихъ элегій“ Гёте: „Общезанимательный вѣстникъ“, 1857 года № 8, стр. 176).